

Андрей Буторин

За краем земли и неба

*Фантастический роман
(Обновленная авторская версия)*

Моим детям посвящается

Мне так бы хотелось, хотелось бы мне
Когда-нибудь, как-нибудь выйти из дому
И вдруг оказаться вверху, в глубине,
Внутри и снаружи — где все по-другому.

В.С. Высоцкий

Часть 1. Учитель и мальчик

Глава 1

Хепсу проснулся от гулких ударов сердца по ребрам. Он даже испугался сперва, что этот громкий стук разбудит маму. Но сознание выпуталось из липких нитей сна окончательно, и

Хепсу вспомнил, что мамы нет. Давно нет... А потом он понял и то, что грохочет вовсе не сердце. Звук доносился с улицы, из проема окна. Теперь Хепсу узнал его: так вибрирующе-резко, скрипяще-надтреснуто мог грохотать только один предмет в селении — дусос новостной башни. Обрубок ствола дерева с тем же названием, после того как из него удаляли волокнистую съедобную мякоть, а оболочку высушивали, при ударе по нему палкой гремел, словно куча булыжников, летящих с крутой горы. А будучи подвешенным под крышей высокой каменной башни, его громыхание можно было услышать далеко за пределами селения.

Мальчик поморщился — от скрипучего грохота заныли зубы. Хепсу и сам делал дусосы — конечно, не такие огромные, в рост человека, как этот, зато и звучащие не столь противно. Наоборот, Хепсу тщательно выбирал стволы нужной ширины, подгонял длину, с тем чтобы каждый дусос издавал красивый звук, и чтобы каждый звенел по-своему. Мальчик глянул вверх и улыбнулся. Два десятка толстых деревянных трубок свисали с перекладины вдоль стены, ожидая, когда юный хозяин пробежится по их звонким бокам крепкими палочками.

Хепсу никому не показывал, как он это делает, даже Учителю. Почему — он и сам не мог ответить. Скорее всего потому, что так не делал

никто в селении, а раз это не нужно никому из взрослых, значит, это бесполезное занятие, детская игра. Впрочем, дети тоже не забавлялись ничем подобным. Во всяком случае, Хепсу об этом не знал. Правда, он выдумал еще одну забаву. Если срезать молодой, тонкий побег дусоса, освободить его от мякоти и дуть поперек среза, зажав другой конец пальцем, то получался веселый звонкий свист. Мальчик просверлил острым камнем дырочки рядком в небольшой деревяшке, подобрал несколько разных по толщине и длине дудочек и вставил их в отверстия, выровняв по верхним краям, а нижние концы трубок заткнул пробками из коры. Теперь можно было дуть, быстро поднося к губам разные маленькие дусосы, и звуки при том получались очень интересные. Эту игрушку Хепсу показал друзьям, только им она почему-то совсем не понравилась.

Но дусос новостной башни не был игрушкой. По нему мог стучать только взрослый, и только когда нужно было сообщить что-то важное людям или предупредить жителей о грозящей опасности. Обычно по дусосу били, когда в селении вспыхивал пожар, или когда домашней живности угрожал очередной набег стаи азоргу.

Хепсу высунулся по пояс в окно. Покрутил головой, приняхался. Дымом не пахло. Даже очаги

возле хижин не дымили — видимо, еще было очень рано, все жители до тревожного грохота спали. Хепсу зевнул. Ему тоже хотелось спать. Но, видать, теперь долго не придется. Ведь не зря кто-то всех разбудил! Вряд ли этот «кто-то» хочет сообщить какую-нибудь ерунду вроде того, что состоится чья-то свадьба, родился очередной житель, или наоборот — умер. Для этого есть бессонница. Обычно такие новости сообщаются ближе ко сну, когда все уже вернется с работ, отдохнут, насытятся.

Значит, азоргу? Хепсу опять закрутил головой. Нет, так просто азоргу не увидишь! Они быстрые, юркие и очень хитрые. То прижмутся к самой земле, станут одним с ней цветом, и шустро завьются над ней на гибких и сильных лапах; то застынут, прижавшись к стене ли, к дереву, к камню ли — ни за что не отличишь зверя от неделимой части хижины, ствола или скалы, пока не подойдешь к нему вплотную.

Хепсу убрал из окна голову, сел на лежанку, почесал лохматую макушку, еще раз зевнул, потряхнул черными космами, прогоняя сон окончательно, и наконец-то принял здоровое решение: чем гадать, лучше сразу пойти к новостной башне и все узнать.

К центральной площади уже подтягивался

народ. Шли молча, устремив напряженные взгляды на башню, откуда все еще раздавались звуки дусоса. Многие из мужчин несли копья, пращи, луки — мысль о нападении азоргу пришла в голову не одному Хепсу. Женщин было мало, большинство из них остались дома, с детьми. Лишь одинокие да самые любопытные семенили по улочкам, торопясь выслушать новость и тут же разнести ее по селению. В общем-то всем жителям и не было смысла идти к новостной башне — достаточно было десятка-другого таких вот добровольных «глашатаек».

Хепсу быстро, почти бегом приближаясь к башне, также вглядывался в человеческую фигурку на верхней площадке, неустанно колотящей палкой по дусосу. В такт ударам раскачивалась белая голова. Прежде чем смог разглядеть лицо человека, Хепсу по этой светлой шевелюре узнал Учителя. Поняв, что на башне Ачаду, мальчик невольно сбавил шаг. Как же так? Как осмелился Учитель на такое? После того, что случилось вчера...

Это началось не вчера, гораздо раньше. Вчера лишь все закончилось. Что послужило толчком, после которого события покатились под гору, кувыряясь и бешено набирая скорость, Хепсу не мог знать точно. Но почему-то ему казалось, что именно он приложил к тому руку. От этой мысли

спине становилось зябко, а кожу покрывали пупырышки.

Тогда в селение прибыли торговцы из города. Они приезжали довольно часто, раз в три-четыре десятка междусоний, но раньше Хепсу не задумывался об одной вещи... А теперь странное измышление вдруг пришло в голову. Наверное, не прошли даром уроки Ачаду. Тот не уставал повторять ученикам: «Я могу рассказать вам много, но я не смогу рассказать вам все. И никто не расскажет вам обо всем, потому что знать все невозможно. Но у каждого из вас есть голова, а она нужна не только для того, чтобы класть в нее лепешки. В первую очередь голова предназначена для измышлений. Думайте, думайте, думайте! Всегда и обо всем. В любом предмете и явлении уже заложен ответ на любой ваш вопрос. Надо лишь уметь его найти, увидеть, понять. Измышляйте! Старайтесь не только найти ответы, но и придумать новые вопросы. На какие-то вы сами когда-нибудь сумеете ответить, на многие, надеюсь, смогу ответить я. Некоторые, возможно, пока останутся без ответа. Главное — не бояться волнующих вас вопросов. Страшно, когда у человека никаких вопросов нет...»

И вот Хепсу придумал вопрос. Вернее, он сам неожиданно возник в голове и не захотел уходить из нее, не получив ответа. Тогда мальчик и

обратился к Учителю. Но почему-то не стал спрашивать при всех, а дождался Ачаду после занятий.

— У меня есть вопрос, Учитель.

— Это хорошо, — кивнул Ачаду. —

Спрашивай.

— Почему торговцы приезжают к нам всегда с той стороны? — Хепсу махнул рукой туда, где находился по его представлению город. Учитель именно так и ответил:

— Потому что в той стороне город.

— Разве городов нет там, там и там? —

Мальчик ткнул пальцем вправо, влево, за спину.

Учитель свел к переносице неестественно черные — в противовес цвету волос и бороды — брови.

— Насколько мне известно, нет.

— Но как же так? Ты сам говорил нам, что у земли нет края, что она бесконечная... Раз так, города должны быть везде.

Ачаду положил ладонь на плечо мальчика.

— Молодец! Измышляешь правильно. Города и селения, конечно же, есть повсюду. Я выразился неточно, сказав «нет». Надо было сказать: «Есть, но далеко». К тому же, там, как ты видишь, горы. — Учитель показал на синеющие в далекой туманной дымке вершины. — Везти через них товары опасно и сложно.

— А там точно есть города? Ты был за теми горами, Учитель?

— Я — нет. Но там бывали люди из нашего селения, давно, когда я был таким, как ты сейчас...

— И они видели там города? — нетерпеливо перебил Хепсу.

— Нет... Они нашли там цветущую долину. За ней, очень далеко, увидели цепь холмов.

— А за холмами?

Ачаду пожал плечами:

— Туда они не пошли.

— Почему? Разве им не интересно было увидеть новые города, узнать, живут ли там люди?

— Наверное, это интересно не всем. Те люди были охотниками. Им интересно было узнать, есть ли там места для охоты. Оказалось, что в долине, кроме розаликов, нет никакой живности. Они и вернулись.

— А мне — очень интересно! — В глазах мальчика вспыхнули огоньки. — Другие города, другие люди... Земля бесконечная — значит, на ней может быть столько всего необычного! — Хепсу вдруг потупил взор и закончил шепотом: — Ведь мой отец тоже с других мест...

Ачаду вздохнул и провел рукой по волосам ученика.

— Ты ведь и не помнишь его...

— Мама рассказывала... — начал мальчик и

вдруг осекся. Учитель принял реакцию Хепсу за боль по утерянным родителям и решил сменить тему:

— Говорят, ты придумал новую забаву. Играешь словами... Не хочешь показать?

Мальчик смутился. Опустил голову, буркнул:

— Все смеются... Тебе не понравится.

— Я уже говорил: мне нравится все новое, что измышляют мои ученики. Я не стану смеяться. Покажи!

Хепсу судорожно вздохнул. Кашлянул. Начертил большим пальцем ноги загогулину в дорожной пыли. А потом заговорил — странно, ритмично, словно загремела по каменистой дороге повозка, только тихо, едва слышно:

— Живем мы не вечно —

в конце умираем,

Чтоб в вечности нам отдохнуть.

Земля — бесконечна?

Дойти бы до края

И смело за край заглянуть! ¹

Ачаду разинул рот и уставился на ученика расширившимися глазами.

— Как это у тебя получилось?!

¹ Здесь и далее — стихи автора.

— Просто. — Хепсу нарисовал еще одну загогулину в пыли. — Я измышлял о бесконечности земли. Но я никак не мог себе это представить. В голове перемешалось много картинок и слов. Я запутался. А потом расставил слова и картинки красиво. Только я все равно не смог представить бесконечность.

— Бесконечность и впрямь сложно представить, — покачал головой Учитель. — Мне это тоже не удастся... — Он вдруг замолчал, пошевелил бровями и спросил осторожно, будто стесняясь: — Как ты сказал? «Дойти бы до края»?..

— Да, — кивнул мальчик. — Так бы мне было понятней.

— Понятней? — хмыкнул Ачаду и собрался было что-то добавить, поднял уже руку, но тут же и опустил, а сам промолчал. И стал сосредоточенным и серьезным. Его черные брови вновь сомкнулись у переносицы.

На другой день он вел уроки, будучи явно рассеянным. То и дело замолкал посреди фразы, задумчиво смотрел куда-то вдаль, потом вновь продолжал говорить, но уже совсем о другом, порой забывая напрочь о теме урока. А еще через день он впервые сказал это...

— Ученики! — торжественно произнес Ачаду, войдя в учебную комнату. — То, что я

говорил вам ранее о земле, не соответствует истине! Земля не бесконечна. Она имеет края.

В комнате стало очень тихо. Но совсем ненадолго. Затем ученики враз зашумели, завертели головами, наблюдая за реакцией соседей. В глаза Учителю никто почему-то взглянуть не решался, словно всем вдруг стало ясно, что тот смертельно заболел, но не догадывается об этом.

— Тихо! — захлопал Ачаду в ладоши. — Урок продолжается! Сейчас я познакомлю вас с моим новым измышлением.

Шум постепенно затих. Ученики по-прежнему старались не встречаться взглядами с Учителем, но вертеться перестали.

— Вы можете представить бесконечную землю? — раздраженно, будто продолжая спор с невидимым собеседником, спросил Ачаду и вцепился в завитки белой бороды. Ему явно некуда было деть руки. Словно начатый разговор доставлял ему неудобство и досаду. — Кто может? Встаньте! Расскажите всем! — Учитель обвел взглядом комнату, задержав его пару мгновений на Хепсу. Мальчик невольно опустил глаза.

Ачаду выждал немного и продолжил, уже смягчившимся, словно извиняющимся тоном:

— Вот видите, никто не может. А небо? А воду? Их вы можете представить бесконечными?

Ученики нестройно зашумели, некоторые

неуверенно закивали. Ачаду улыбнулся:

— Вот видите! Конечно, нельзя утверждать, что если мы не можем чего-нибудь представить, то этого не может быть. Наверняка существует много такого, о чем мы не смеем даже мечтать, что не может нам даже присниться. И все же... Если чему-то, какому-то явлению, материальному образованию или абстрактному измышлению есть два объяснения, одно из которых можно ясно представить, а другое не поддается здравому рассудку, то выбирать следует первое. Скорее всего оно и будет верным. Так почему мы должны идти против нашего разума? Почему должны верить тому, чего наш рассудок не в силах даже представить? Потому что так говорят все и всегда? Но кто сказал им об этом? Кто-нибудь доказал, что земля бесконечная? Как это можно вообще доказать? У кого-нибудь есть идеи?

— Это можно доказать, только... — начал кто-то и замолчал, испугавшись собственной храбрости.

— Ну-ну, продолжай! — поддержал смельчака Учитель. — Кто это сказал? Я жду продолжения.

— Это сказал я, — поднялся Хепсу. — Мое измышление такое: чтобы доказать, что земля не имеет края, нужно попытаться его найти. Если идти бесконечно, а край земли не будет найден, значит,

его нет.

Ученики засмеялись, тыча в мальчика пальцами. Ачаду тоже улыбнулся, жестом позволяя Хепсу сесть.

— А ведь в словах Хепсу звучит истина, — сказал он, дождавшись тишины. — Действительно, лишь двигаясь прямолинейно и *бесконечно*, можно доказать бесконечность земли. А разве такое возможно? Разве кто-нибудь мог проделать такое? Почему же все утверждают, как о само собой разумеющемся, о бесконечности земли? Ведь куда разумней выглядит утверждение, что земля имеет край. Да, она очень большая. Может быть большая настолько, что человеческой жизни не хватит, чтобы дойти до ее края. А может быть, ее край находится за теми горами, — показал Учитель на туманные вершины, виднеющиеся за окном. — Ведь даже за них почти никто из живущих в нашем селении не заглядывал! Как можно рассуждать о какой-то бесконечности? — Ачаду постоял в задумчивости и продолжил: — Я представляю картину мира так: существует бездонное и безбрежное озеро... Ведь вы согласились, что бесконечную воду еще как-то можно если не представить, то осознать? Над озером раскинулось бесконечное небо... Наверное, никто не станет отрицать, что оно и впрямь бесконечно, ведь в нем ничего нет, кроме вечного света. Оно всегда

одинаково глубоко и ярко — и в бессонницу, и во время сна. Никогда на людской памяти не случилось такого, чтобы небо предстало в виде чего-то материально осязаемого, или чтобы оно потемнело, изменило цвет... Так вот, слушайте внимательно мое измышление! В бесконечном озере под бесконечным небом лежит земля. Может быть, она круглая, может — имеет бесформенные края, но она конечна. Она лежит в бесконечном озере подобно острову, или плывет по нему, словно лодка в озере обычном. А в этой лодке сидят рыбаки — мы с вами.

Ученики снова зашумели, стали крутиться, обмениваясь мнениями. Но это был уже не возмущенный шум, теперь дети смотрели на Учителя не с сожалением и испугом, а восхищенно. И взглядов от его глаз они больше не отводили. Он объяснил им то, о чем никто из них раньше не мог и помыслить, и объяснил так, что они смогли это представить.

А на следующий день занятий не было. Старейшина селения, узнав об измышлении Ачаду, лишил его права быть Учителем. Мало того, неожиданное возмущение жителей, подогретое гневными проповедями старейшины, привело к тому, что хижину Ачаду по-звериному рычавшие мужчины раскатали по бревнышку, а самого

бывшего Учителя едва не растерзали озверевшие подстать мужьям женщины. Лишь тот же старейшина смог остановить расправу.

Все это было так странно! Мирные в общем-то жители, которым, по большому счету, было глубоко наплевать, какая на самом деле земля — и вдруг повели себя словно дикари. Лишь дети не поддались общему психозу и наблюдали за действиями родителей и соседей с настоящим ужасом.

Странно было и то, что старейшине удалось столь легко завести толпу и не менее просто погасить вспыхнувший пожар безумия.

Старейшина вообще был загадкой селения, разгадать которую никто и не пытался. Казалось, он был всегда. Даже самый старый (после него, разумеется) житель помнил этого человека с самого детства. Был старейшина местным жителем, или пришел издалека — об этом тоже никто не знал. Даже одет глава селения был иначе, нежели остальные жители. Собственно, одежды как таковой из-за постоянно теплой погоды никто и не носил — лишь оборачивали бедра тряпичными повязками. Старейшина же всегда с ног до головы был закутан в большой отрез серой ткани.

Но сейчас вниманием всех завладел Ачаду с его безумной теорией. Утихомиранные старейшиной жители разошлись в конце концов по

домам и хижинам, а бывший Учитель остался посреди кучи бревен и мусора на месте его прежнего жилища. Жена Ачаду ушла вместе с другими, бросив напоследок на мужа полный презрения взгляд.

И вот теперь Учитель стоял на площадке новостной башни, гордо задрав к небу белую бороду. Он отставил уже палку, которой стучал до этого по дусосу. Подождал, пока площадь перед башней заполнится людьми, которые, будто стесняясь вчерашней агрессии, разглядев наверху Ачаду, опускали глаза и замолкали. Лишь легкий шепоток пробежал порой по рядам.

Наконец и Ачаду опустил голову. Но не стыдливо потупив глаза, а напротив — с вызовом устремив взгляд на толпу. Он подождал еще немного, словно надеясь, что люди наконец-то поднимут к нему лица. Но этого не случилось, и бывший Учитель крикнул:

— Посмотрите на меня! Что же вы? Вчера вы были смелее!

Но даже прямое обращение к жителям не возымело действия. Тогда Ачаду мотнул бородой и начал излагать, тщательно проговаривая фразы, будто на уроке:

— Пусть я потерял в ваших глазах уважение, но я продолжаю уважать вас. Как людей, как своих

земляков, родителей моих учеников... И я не перестал уважать себя. Мало того, я собираюсь вернуть себе и ваше уважение. Я по-прежнему уверен, что мое измышление верно — земля имеет край! — Он поднял руки, останавливая начавшийся было ропот. — Да, у земли есть край, и я докажу вам это! Я отправляюсь к краю земли. Пусть мне для этого придется потратить остаток жизни, но я дойду до этого края! А если не дойду... если не успею дойти, то это еще не значит, что я ошибался. Просто это будет означать, что край земли — очень далеко, и путь к нему занимает больше времени, чем длится моя жизнь. Я хочу, чтобы вы поняли это! И еще я очень хочу, чтобы вы научились думать. Сами. Хотя бы чуть-чуть.

Учитель поднял с пола площадки большой кожаный тюк, продел руки в широкие лямки, в довесок к тюку забросил за плечи мешок поменьше и уверенно зашагал вниз по ступеням витой каменной лестницы.

У Хепсу вдруг екнуло сердце. Еще не осознавая полностью неожиданно принятого решения, он ринулся к дому, юрким азоргу рассекая людскую толпу.

Глава 2

На гребне холма Хепсу остановился. Посмотрел назад. Холм, на котором он стоял — один из бесконечной сплошной цепочки подобных, окаймляющих долину, — был невысок и почти лыс, лишь жалкие клочки бурой спутанной травы редкими островками покрывали его голую вершину. Зато позади, до самых мутно-синих гор в далеком далеке, откуда два междусонья назад спустились они с Учителем, расплескалось в две стороны бесконечности однотонное зеленое озеро густого пахучего разнотравья с круглыми островами кустарников. Учитель говорил, что за краем земли тоже начинается озеро, настоящее, водяное, но бесконечно глубокое и без второго берега.

Хепсу отвернулся от долины. Туда очень захотелось вернуться, потому что вперед даже смотреть было тошно... Внизу, от подножий холмов, тоже тянулась в слитую с серым небом бесконечность долина. Только такая же серая, как и небо; лишь гораздо темнее его, грязнее, кажущаяся сверху рябой и шероховатой от бесчисленных каменных россыпей, избороздивших ее рвов да извилистых трещин.

Неужели за этой пустыней и находится край земли, то самое бездонное и безбрежное озеро, о котором говорит Учитель, к которому идут они уже сорок бессонниц? Может, Ачаду ошибся в своих

измышлениях, и край земли — вот он: уходящая влево и вправо гряда лысых холмов? Что, если эти холмы и ограничивают невообразимо огромный земной круг, в который так истово верит Ачаду, а вместо бездонного озера вокруг земли — рябая серая пустыня?.. Стоит ли сказать об этой догадке Учителю, или же лучше промолчать, чтобы не рассердить его еще больше?

А где же Учитель? Мальчик пробежался взглядом по склону и заметил быстро двигавшуюся фигурку Ачаду на самом уже подножье холма. Хепсу поддержал лямки мешка и ринулся вниз по склону, выбивая серо-бурую пыль из сухой, полумертвой земли.

— Учитель! Ачаду! Подожди!..

Фигурка далеко внизу не замедлила шага. Рискуя оступиться и полететь кубарем, мальчик отдался силе тяготения, стремительно перебирая ногами.

Ачаду все-таки остановился и, не снимая с плеч огромного тюка, лишь поставив на землю мешок со снедью, присел на плоский камень. Из-под густых черных бровей, нелепых в окружении абсолютно белого нимба густой шевелюры, плавно переходящей снизу в бороду, он с плохо скрываемой тревогой наблюдал за бешеным спуском ученика. Вот Хепсу споткнулся, и сердце

Ачаду екнуло... Но мальчику чудом удалось восстановить равновесие, не замедляя бега. Да и замедлить его было бы уже невозможно до самого низу, любая попытка остановиться на склоне привела бы Хепсу к падению.

Но все обошлось. Запыхавшийся, с дрожащими от напряжения и страха коленями, мальчик подошел к Учителю, на угрюмом лице которого не осталось уже и тени недавней тревоги.

— Если бы ты сейчас разбился, я не задержался бы и на пару вдохов, — все же выдавил Ачаду.

Хепсу опустил голову. Учителя это разозлило.

— Что ты молчишь?! Ты ведешь себя безрассудно! Зачем ты увязался за мной? — Последний вопрос Ачаду задавал ученику сотню уже, наверное, раз за все сорок бессонниц пути.

— Ничего... — невпопад ответил мальчик. — Ты иди, я пойду следом и не стану тебе мешать. — Хепсу тоже повторил эту фразу за время пути далеко не в первый раз.

— Возвращайся, — сердито, но уже без злости сказал Ачаду. — Это твой последний шанс добраться до дома. Дорогу ты помнишь, еду легко сможешь добыть и в долине, и в горах, тем более — в лесу. Воду там тоже легко найти. А здесь, — Учитель ткнул пальцем на серую пыль под ногами, — еды, а тем более воды, нету навверняка!

Твоих запасов не хватит и на пару бессонниц. Розалики протухнут уже после первого сна, так что придется съесть их сегодня. На завтра тебе останутся только лишь одни корешки.

— Их много! — тряхнул мешком Хепсу.

— Без воды ты их много не съешь, а вода у тебя тоже завтра кончится, если не выпьешь всю сегодня.

Ачаду будто нарочно говорил «у тебя», «твои запасы», словно подчеркивая этим, что своими запасами воды и еды делиться с мальчиком не намерен. Он будто бы повторял ему в очередной раз: «Дойти до края земли — моя единственная мечта, и я сделаю все, чтобы увидеть воды бездонного озера, для чего не поступлюсь ничем, даже самой своей жизнью, а уж тем более твоей, хоть ты и не возрасту упряму».

— Я пойду за тобой, — повторил мальчик, не осмелившись посмотреть в глаза Учителю. — Буду идти, сколько смогу. А если умру... Пусть! Никто не заплачет.

Ачаду скрипнул зубами. Отец Хепсу погиб на охоте, когда мальчик был еще несмышленышем, мать умерла три сотни междусоний назад. Плакать по нему и впрямь было некому. Как и по самому Ачаду. Жена бросила его, когда началась травля... Он потерял уважение жителей родного селения, его лишили права быть Учителем. За что? Всего лишь

за измышления, за идеи, неожиданно пришедшие в голову и не пожелавшие из нее уходить. Ну и за то, конечно, что он делился этими идеями с учениками.

Теперь он просто обязан был доказать, что говорил правду! Доказать всем, а в первую очередь — себе. Доказать, или умереть. Другого выхода не было.

Если земля не бесконечна, если она имеет край, как вещал он ученикам, — то он дойдет до этого края. Или умрет. Вот и все. Очень просто. Было бы просто, если б не Хепсу! Парень поверил ему сразу и даже после отлучения Ачаду от преподавания не оставил своего Учителя. Это приятно, от этого — слезный ком в горле, но... Эх, надо было уйти тихо, во время сна! Зачем было становиться в позу, кричать с новостной башни на все селение о походе за истиной? Хотел таким образом хоть частично смыть позор унижения? А получил обузу, ответственность за чужую жизнь... И почему он не прогнал мальчишку сразу? Надо было поступиться дурацкими принципами: накричать — грубо, непотребно, злобно, даже ударить!.. Пусть бы последний ученик разочаровался в Учителе, зато бы остался жив!

Ачаду поймал себя на том, что непроизвольно поглаживает маленький круглый камешек, висевший на груди на тонком кожаном ремешке. Прозрачный как вода камень, оправленный желтым

металлом, неожиданно дал старейшина перед самым уходом Ачаду из селения. Протянул подарок спустившемуся с новостной башни Учителю: «Возьми, он поможет тебе в пути. Повесь на шею и никогда не снимай». Странно. Ведь старейшина являлся зачинщиком травли против Ачаду... Может, его затерзала совесть? Вряд ли. И все же Учитель не отказался от подарка. Молча взял и повесил на шею. Теперь он и сам удивлялся, почему поступил именно так.

Для сна путники сделали остановку, когда гряда холмов превратилась в тонкую цепочку подернутых дымкой бусинок, вытянувшуюся поперек всей видимой бесконечности из тумана в туман. Правда, Ачаду верил, что там, по обе стороны далекого тумана, бесконечность все же имеет границы. Хотя нет, бесконечность не может иметь границ, она продолжается дальше, в безбрежном озере, но границы есть у земли. У этой земли.

Хорошо, что Ачаду не осмелился поделиться ни с кем еще одним измышлением. На это он все же не сумел решиться. Данное измышление повергало в трепет даже его самого; неизвестно, что бы с ним стало, поделись он этим с учениками!..

Когда к нему впервые пришла эта идея, Ачаду чуть было сам не поверил в собственное безумие.

Но потом, размышляя еще и еще, идея, хоть и казавшаяся все еще нелепой, уже не так пугала его. Но он все равно запретил себе оглашать это измышление и сдержался. Сейчас же, растянувшись на тонкой подстилке, сквозь ткань которой острые камешки досаждали телу и мешали заснуть, Ачаду вновь поднял запретную идею с самого дна сознания и стал в который раз прокручивать ее в голове.

Идея состояла в следующем. Если земля имеет границы и лежит в бесконечном озере подобно острову, почему бы в этом озере не быть и другим островам? Мало того, в бесконечности их и должно быть бесконечное количество! А раз так, то почему бы на этих островах не жить другим людям? Или даже не людям в полном смысле этого слова, но существам, обладающим разумом? Напротив, было бы удивительно, если бы земля оказалась единственным островком в бесконечности. У бесконечности не может быть исключений!

Хуже получалось с другим измышлением. Почему его теория хорошо ложится на плоскость, но никак не согласуется с объемом? Ведь он допускает наличие бесконечных земель только в двух измерениях. Но по его же теории бесконечное озеро в то же время и бездонное, то есть бесконечность простирается и вниз. То же можно

смело утверждать и о небе. Но это-то как раз и становится главным противоречием, не позволяющим бесконечным землям находиться также внизу и вверху... Ведь если озеро бесконечно продолжается вниз, там не может начинаться другое небо над другим озером, равно как и в бесконечном небе сверху не может по определению найтись места иному озеру под иным небом! Ачаду невольно стал всматриваться в бесконечно высокое светло-серое небо, словно выискивая в нем новое бесконечное озеро под еще одним бесконечным небом над очередным бесконечным озером...

Закружив себе голову вложенными друг в друга бесконечностями, Ачаду не заметил, как заснул.

Всю вторую бессонницу искатели края земли прошагали молча. Теперь уже и холмы утонули в дымке. Вокруг была все та же каменистая пустыня. Теперь Хепсу был почти уверен, что Учитель ошибся, и как раз эта именно пустыня, а не какое-то озеро, и является бесконечной, а уже на ней и лежит конечная, окруженная цепью холмов земля. Но сказать о своей догадке Учителю он так и не решился.

Последние, уже начинающие попахивать тушки розаликов они доели в первую половину бессонницы — хранить их дальше становилось

бессмысленным и даже опасным, ведь даже костра в этом царстве камней и пыли развести было не на чем, а отравиться тухлыми сырыми розаликами было раз плюнуть.

Во вторую половину бессонницы, как и предсказывал ранее Ачаду, у Хепсу закончилась вода. Сначала он не подал виду, что расстроился, но утомительное шаганье по каменистой пыльной равнине отнюдь не являлось панацеей от жажды. Скорее, напротив. Хепсу хотел пить все сильнее и сильнее. Скоро уже чувство, близкое к панике, посетило его мозг. Хепсу понял, что даже еще одной бессонницы он не протянет без воды. Что делать? Попросить у Ачаду? Нет! Лучше смерть! Да Учитель и сам прикладывается к фляге все реже и реже, бережет последние глотки... Повернуть назад? Но до зеленой долины две бессонницы пути! Он не пройдет их точно, лишь покажет Учителю свою слабость, но все равно погибнет. Смерть — и так, и так. Но лучше уж умереть достойно.

К счастью, Учитель наконец остановился и объявил время сна. Во сне хоть не хочется пить.

Хепсу заснул сразу, упав на землю даже без подстилки. Во сне он увидел бесконечное озеро и стал жадно пить из него, встав на четвереньки.

Проснулся мальчик оттого, что рот его наполнился влагой. Хепсу машинально сглотнул.

Теплая вода показалась ему вкуснейшим из напитков, которые он пробовал ранее. Хепсу открыл глаза. Над собой он увидел светлый нимб волос Учителя. Тот, заметив, что мальчик проснулся, убрал в мешок флягу и, как показалось Хепсу, смутился.

— Ты сильно стонал во сне, — сказал Ачаду, — просил пить... Сможешь подняться?

Хепсу прислушался к своему телу. Ничего не болело, но даже пошевелить рукой оказалось трудно. Организм протестовал от одной мысли, что нужно подниматься и куда-то идти.

— Мы спали так мало, — с мольбой посмотрел на Учителя мальчик. — Можно я посплю еще немного?

Ачаду покачал головой:

— Ты спал очень долго. Я боялся, что ты уже не проснешься. Надо вставать и идти. Если ты не сможешь... мне придется идти одному.

Хепсу зажмурился, словно ожидая боли, и подтянул к животу колени. Перевалился набок, с большим трудом встал на четвереньки. Сделав несколько глубоких вдохов, со стоном выпрямился, все еще стоя на коленях. Ачаду молча протянул руку. Хепсу ухватился за нее обеими ладонями, и Учитель поднял мальчика на ноги. Того немилосердно шатало. Камни кружились перед глазами и плыли по серой пыли, подобно рыбацким

лодкам из выделанных шкур по озерной глади.

— Сможешь идти? — нахмурил черные брови Учитель.

— Смогу... — прошептал Хепсу. Но Ачаду, посмотрев на мальчика, нахмурился еще больше. Не вынимая руки из ладоней ученика, свободной рукой он полез в мешок и снова достал флягу. Встряхнул ее, прислушиваясь. В деревянной емкости, обтянутой кожей, еле слышно булькнуло.

— Здесь один глоток, — протянул флягу Учитель. — Пей и пошли. Или оставайся. Но тогда ты умрешь.

— Если пойду, я тоже умру, — отвел глаза от фляги Хепсу.

— Наверно, да. Но у тебя будет шанс дойти до озера и напиться.

— Нет никакого озера! — наконец осмелился мальчик озвучить свое измышление. — Вместо озера — эта пустыня! Она бесконечна... Нам никуда не дойти.

Хепсу ожидал, что Учитель рассердится. Но тот лишь усмехнулся.

— Оглянись назад. — Мальчик послушно повернул голову. — Теперь посмотри вперед. Внимательно. Видишь какую-нибудь разницу?

И Хепсу увидел разницу. Позади пустыня еле заметно, очень полого, но все же вздымалась к высокому небу, тая в далекой туманной дымке.

Впереди, так же полого, равнина клонилась вниз.

Хепсу так и сказал Учителю.

— Если бы пустыня была бесконечной, — ответил на это Ачаду, — она оставалась бы ровной. А так она понижается к озеру.

Мальчику объяснение Учителя не показалось очевидным, но он промолчал. Его порадовало уже то, что идти придется вниз, что облегчит путь. Хотя прошлую бессонницу они, выходит, тоже постепенно спускались, но натруженные ноги этого совсем не заметили.

— Пей! — повторил Ачаду, тряхнув жалко булькнувшей флягой. — И пошли.

Хепсу сам не заметил, как руки его, выпустив наконец ладонь Учителя, вцепились в обтянутую кожей деревяшку и поднесли ее горлышко к губам. Тонкая струйка смочила шершавый язык, скользнула по пищеводу и словно испарилась, не достигнув, казалось, желудка. И все-таки этот глоток оказал свое целебное действие; камни перестали качаться, в тело неохотно вернулись некоторые силы. Мальчик поискал глазами мешок.

— Он у меня, — заметил беспокойство ученика Ачаду. — В нем почти пусто, и я положил его в свой. Пошли!

— А дусос?! Ты не выбросил дусос?

— Трубки, воткнутые в деревяшку? Зачем они тебе?.. — Учитель пожал плечами, но мальчик,

сжав губы, молчал. — Впрочем, они не тяжелые. На месте твой дусос. Идем!

Чем дальше шел этой бессонницей Хепсу, тем идти становилось, на удивление, легче. Вроде бы и наклон исчез, пустыня вновь стала ровной, зато сильно поредели камни, которые не мешали более шагать. Да и под ногами была уже не серая пыль на жесткой почве, а мягкий, неглубокий песок желтовато-серого оттенка.

И все же мальчик стал отставать от Учителя. Как ни старался он прибавить шагу, фигура Ачаду впереди, чуть согнутая под тяжестью объемного тюка, становилась все меньше и меньше. Хепсу стало вдруг очень страшно, что он останется один среди песка и редких камней под бесконечно высоким небом. Собравшись с силами, он побежал. Но не успел сделать и нескольких шагов, как, сильно оттолкнувшись, почувствовал, что нога, потеряв опору, заскользила назад. Мальчик неуклюже рухнул лицом в песок, не успев вытянуть руки. Он тут же вскочил и недоуменно посмотрел на черный мазок, оставленный подошвой на песке. Сел на корточки, провел по черной полосе ладонью. Рука не почувствовала ни тепла, ни холода, под ладонью было так гладко, словно он провел ею по затвердевшему воздуху. Хепсу двумя руками раздвинул песок, сделав странную полосу шире.

Ему показалось вдруг, что в невероятно глубокой черноте что-то есть. Почувствовав, как неприятный холодок пробежал вдоль хребта и встопорщил волосы на затылке, мальчик тем не менее, словно замороженный, опустился на колени, а потом и вовсе лег, склонив лицо к тревожно манящей черноте. И он неожиданно понял, что под ним пустота! Жуткая пустота, по-настоящему бесконечная, бесконечней, чем небо! Но в далекой-далекой глубине он увидел множество маленьких ярких точек, даже не точек — пылинок, будто просыпал кто-то в глубокий черный омут светящуюся муку.

Очарованный увиденным, Хепсу забыл обо всем и даже взвизгнул, когда на его плечо опустилась ладонь Учителя.

— Я вернулся к тебе в последний раз, — грустно сказал Ачаду. — Ты не можешь идти. Я не могу тебя нести...

— Да нет же, Учитель! — вскочил на ноги мальчик. — Я могу идти. Но ты посмотри, что там!

Ачаду недоверчиво склонился над черной проплешиной в песке. Затем так же, как до этого Хепсу, опустился на колени, а потом и лег, приблизив лицо к удивительно гладкой поверхности, скрывающей под собой неведомое чудо. Так он лежал, не шелохнувшись, очень долго. Наконец поднял голову, покрутил ею, словно

приходя в себя. Сел.

— Не понимаю... — выдавил он севшим голосом.

— Может быть, это... озеро? — прошептал Хепсу.

— Что? — встрепенулся Ачаду, будто проснувшись.

— Озеро... То, куда мы идем.

— Под нами? Почему? А где вода? — казалось, растерянный Учитель сам превратился в ученика.

— Не знаю, — пожал плечами мальчик. — Это же необычное озеро. Бездонное и безбрежное...

— Да-да, ты прав! — вскочил на ноги Ачаду. — Это может быть только оно! Мы дошли! Мы уже идем по нему! Только вода в нем твердая, поэтому на ней держится песок. Но ты заметил, что наклона больше нет?

Хепсу кивнул.

— И слой песка уже очень тонкий, — возбужденно продолжил Учитель. — Скоро он совсем кончится, и мы увидим, что земля имеет край!

Мальчик вдруг погрузился и опустил голову.

— Но если вода в озере твердая, мы не сможем напиться...

— Погоди, надо идти, пока не кончится песок! Может быть, дальше начнется обычная вода. Но

даже если и нет... Главное дойти! Ведь мы же стремились именно к этому?

Хепсу кивнул. Из глаза выкатилась слезинка, и он еще ниже опустил голову.

Глава 3

Вот оно — безбрежнее озеро! Путники стояли на маленьком песчаном холмике, последнем островке песчаной равнины. Позади них равнина не была уже однотонной и равномерно песчаной — тут и там ее поверхность разрывали черные кляксы, как совсем небольшие, так и огромные, размером с маленькие озерца. Но здесь песок заканчивался, впереди зияла бескрайняя чернота. Казалось, что Ачаду и Хепсу стоят на краю бездонной пропасти, в глубине которой застыла сияющая взвесь.

— Мы дошли... — зачарованно выдохнул Хепсу.

Ачаду только кивнул, восторг, заполнивший душу и сердце, лишил его на время речи.

Хепсу осторожно, как пробуют воду купальщички, коснулся пальцами ноги черной поверхности. Нога наткнулась на твердую, гладкую преграду, такую же гладкую, не теплую и не холодную, как и там, где он поскользнулся. Мальчик собрался с духом и шагнул вперед. И... сразу упал. Он отчаянно забарахтался, пытаясь

подняться, но ничего у него не вышло. На черной поверхности, казалось, полностью отсутствовала сила трения. Собственно, так оно и было.

Хепсу испуганно заскулил. Этот звук вывел наконец Учителя из состояния восторженной отреченности. Он ринулся было вперед, на помощь ученику, занес уже ногу над пыльной внутри глубиной, но крик Хепсу заставил его остановиться.

— Нет! Учитель, нет! Ты тоже не сможешь!..

Лишь тогда к Ачаду полностью вернулся разум. Он сбросил с плеч тяжелый тюк, развязал его и вынул плоскую деревянную палку, сужающуюся с одного конца. Хепсу, перестав бессмысленно барахтаться, с надеждой и тревогой следил за действиями Учителя.

«Так это же весло! — дошло до мальчика предназначение длинной широкой деревяшки. — Значит, в этом тюке Ачаду тащил лодку?..»

Учитель протянул весло Хепсу. Тот ухватился за его широкий конец. Ачаду потянул. И с ужасом почувствовал, как песок под ногами стал осыпаться, разъезжаться, — еще мгновение, и Ачаду оказался бы рядом с учеником на сверхскользящей черноте. К счастью, начав уже скользить одной ногой, Учитель упал на спину. Движение прекратилось. Весло осталось в руках мальчика.

Осторожно, стараясь не делать резких движений, Ачаду перевернулся на живот и отполз

чуть дальше, где слой песка был достаточно толстым. Только тогда поднялся на ноги и посмотрел на ученика. Тот судорожно сжимал обеими руками весло, словно оно было единственным и последним, что связывало его с землей.

Ачаду задумался. Он не допускал даже и мысли, что не сможет вытащить ученика. Глупость какая, ведь вот он, совсем рядом — не тонет, не вязнет, ничего с ним плохого не происходит... Кроме того, что не может ни встать, ни ползти.

Отсюда, где стоял сейчас Ачаду, он, пожалуй, легко смог бы вытащить мальчика, не рискуя, что песок под ногами осыплется. Но длины весла для этого не хватит. Вот если связать оба весла... Только чем?

Постоянная температура земли, абсолютно комфортная для людей, не создавала нужды в одежде. Здесь никогда не было ночи, не было смены времен года... Как и все прочие, Ачаду и Хепсу носили лишь тряпичные повязки на бедрах. Даже обуви они не знали — толстая грубая кожа подошв хорошо предохраняла ступни.

Как раз о набедренной повязке и подумал Учитель, ею прекрасно можно было связать весла. Стесняться тут все равно некого.

— Кидай весло! — крикнул он мальчику.

Хепсу размахнулся и отбросил весло Учителю. Оно упало в двух шагах от Ачаду. Тот, не решаясь сделать эти опасные пару шагов, опустился на колени и сумел дотянуться до весла. Обрадованный этим маленьким достижением, он не сразу обратил внимание на испуганные возгласы ученика. Впрочем, тот даже не кричал, а тихонько повизгивал — скорее не испуганно, а удивленно.

Когда Ачаду снова поднялся на ноги и обратил наконец на эти звуки внимание, он только изумленно ахнул — мальчик скользил над черной пропастью прочь от берега.

Ачаду упал на колени и с остервенением вцепился в волосы.

— Я безмозглое животное! Не зря меня лишили права быть Учителем! Как я мог не подумать?! Действие равно противодействию — ведь я сам учил этому детей!.. Здесь же нет силы трения, Хепсу никогда не остановится!

Мальчика и впрямь уносило все дальше и дальше, хотя скорость его движения была и не очень большой.

Ачаду вновь вскочил на ноги. Решение пришло в голову быстро. Надо только надуть скорее лодку! Правда, весла тут будут бесполезны, но надо лишь использовать тот же закон, что унес Хепсу. Для этого вполне подойдут камни! Много камней.

Ачаду бросился в пустыню. К сожалению, здесь, на самом краю земли, камней не было, всюду желтел один лишь песок с бездонными черными проплешинами. Пришлось уйти довольно далеко, пока Ачаду смог набрать два мешка — свой и Хепсу — камнями, безжалостно высыпав остатки корений, все равно бесполезных без воды.

Вернувшись назад, он развернул сшитую из тонких, но прочных шкур лодку, принялся надувать ее, постоянно поглядывая на превратившегося уже в маленькое светлое пятнышко Хепсу.

Надуть большую лодку оказалось делом не быстрым и вовсе не легким. К тому же ужасно хотелось пить. Почти до обморока.

«А зачем я делаю это? — мелькнула вдруг очень здравая мысль. — Даже если я доберусь до Хепсу, втащу его в лодку, даже если мы вернемся к берегу, что это даст? Ведь все равно нам не дойти до зеленой долины, где есть вода и пища. Все равно мы погибнем, не в эту бессонницу, так в следующую...»

И все-таки Ачаду продолжал надувать лодку. Голова кружилась, в глазах вспыхивали огоньки. А он все дул и дул. Когда лодка была готова для спуска на «воду», Ачаду на какое-то время отключился. Когда же пришел в себя и посмотрел в черную даль, никак не думал, что увидит Хепсу. На удивление, он нашел светлое пятнышко сразу.

Учителю показалось даже, что оно стало больше, словно Хепсу перестал удаляться, а напротив, двигался к земле. Но этого быть не могло, поэтому Ачаду списал все на усталость и жажду. Да и сравнить размер пятнышка, бывшего мальчиком, на однородной черноте было все равно не с чем.

Ачаду погрузил мешки с камнями в лодку и, осторожно толкая надувное судно перед собой, на четвереньках двинулся к черному «озеру». Когда треть лодочного днища опустилась на черную гладь, Учитель медленно, боясь невзначай толкнуть и выпустить лодку, перевалился через ее невысокий, вздутый толстой колбаской борт и сел. Подняться на ноги он опасался, и, наверное, не зря. Поднял одно из весел, которые положил-таки в лодку на всякий случай, и сильно оттолкнулся им от песка. Тот зашуршал под днищем, лодка подалась сначала с некоторым усилием, но, оказавшись полностью в черноте, резво заскользила вдаль от берега.

Теперь Ачаду боялся лишь одного: проскочить мимо Хепсу. Но для этого-то он и набрал побольше камней различного веса. Оставалось надеяться, что их хватит для маневров.

Мальчика Учитель не выпускал из виду. Израсходовав всего два небольших камня, с силой отброшенных в сторону, противоположную цели,

Ачаду удалось направить лодку прямо на Хепсу. Теперь, чтобы затормозить, нужно было стать очень аккуратным и точным — ведь кидать камни требовалось в сторону мальчика и, чтобы не попасть в него, их следовало непременно через него перебросить. Поэтому Ачаду выждал, пока расстояние между лодкой и Хепсу не сократилось настолько, чтобы быть уверенным в собственных силах.

Первый брошенный камень едва не задел мальчика, зато скорость лодки заметно снизилась. Вторым Учитель выбрал совсем небольшой камешек, зато швырнул его с бóльшей силой. Надувное суденышко почти остановилось. Ачаду стал ждать, пока оно не приблизится вплотную к Хепсу.

Вглядываясь в неподвижное тело мальчика, Учитель почувствовал сильную тревогу: ему показалось, что Хепсу мертв. На самом деле измученный страхом и жаждой мальчишка спал. Но когда лодка ткнулась в него упругим боком, он сразу раскрыл глаза — круглые и невероятно огромные от нахлынувшего ужаса. Но, увидев над собой белую бороду Учителя, Хепсу радостно закричал.

Ачаду хотел было подать мальчику весло, но понял, что парень сильно ослаб и вряд ли его удержит. Тогда он осторожно перегнулся за борт,

одной рукой вцепился в веревку, закрепленную вдоль бортов лодки, второй подцепил Хепсу за набедренную повязку. Силы Ачаду тоже были на исходе, но ему все же удалось приподнять мальчишку и перевалить через борт.

По щекам Хепсу текли слезы. Испуг, отчаяние, сменившиеся надеждой, а теперь и спасением, нашли наконец выход в громких рыданиях.

— Ну, ну... — пробормотал Ачаду. — Не трать попусту влагу. Все позади... — И сам тут же подумал: «А что позади? Да, мы сможем вернуться к земле, камней для этого хватит, а что дальше? Смерть все равно нас догонит, даже если мы поплывем прочь от земли». Словно проверяя смысл этой идеи, он посмотрел в черную даль. Гладкое полотно безводного, бездонного и безбрежного «озера» далеко-далеко скрывалось в туманной дымке. Учитель, разумеется, знал, что эффект дымки дает обыкновенный воздух, делавшийся видимым на протяжении огромного расстояния.

«Интересно, — подумал Ачаду, — если бы воздуха не было, смогли бы мы увидеть другие земли? Ведь черное «озеро», на котором лежит наша земля и обязательно должны лежать иные земли, абсолютно плоское... Подожди, — оборвал свои измышления Учитель. — А кто тебе сказал, что оно обязательно плоское? А что если не

имеющая трения чернота — это поверхность... сферы?»

Несмотря на обезвоженность организма, лоб Ачаду покрылся испариной. Новая идея озарила его. Ну конечно же, это сфера! Мы живем на огромной-огромной сфере — огромной настолько, что кривизны ее поверхности просто не замечаем! И внутри этой сферы, — Ачаду посмотрел вниз, на светящуюся пыль, — находятся иные сферы, меньшие по размеру, но тоже огромные, которые и видятся отсюда точками! Внутри этих сфер есть свои, еще меньшие, и так почти до бесконечности, до самой маленькой составляющей вещества, а может и еще глубже, ведь что такое бесконечность — неведомо никому!

Учитель поднял глаза к небу. Новое измышление нашло продолжение и в таком измерении: ведь если внутри этой сферы есть другие, то и данная сфера, вместе с другими подобными, может входить в сферу, намного бóльшую, та, в свою очередь, еще в более огромную — и вот тут-то бесконечность и впрямь не имела границ...

Загадка о верхе и низе, мучившая Учителя перед позапрошлым сном, нашла красивое решение, которое объясняло все. Ачаду был почти уверен в правильности новой теории, которая не отметала, между прочим, его измышления о

многочисленных землях на поверхности... теперь уже не плоскости, а сферы. А поскольку сфер оказалось бесчисленное множество, то и новых земель — во столько же раз больше!

Учитель рассмеялся, попробовав умножить огромное количество на бесконечное множество. Хепсу, уже переставший плакать, поднял на него удивленные глаза. Ачаду потрепал мальчика за плечо.

— Мы умрем? — спросил вдруг Хепсу. Это были его первые слова после спасения.

— Думаю, да, — не стал обманывать ученика Учитель. — Но мы можем совершить последнее путешествие, самое удивительное в нашей жизни!.. Мы уже находимся с тобой за краем земли. Как ты смотришь на то, чтобы отправиться еще дальше?

— Ничего не получится, — покачал головой мальчик. — Земля вернет нас к себе.

— Что ты говоришь? — насупил черные, как гладь «озера», брови Учитель. — Каким образом?

— Не знаю... Но когда я скользил от берега, то думал сначала тоже, что буду скользить так вечно. А потом увидел, что земля перестала отдаляться. Я уже стал засыпать, но мне показалось, что берег снова стал ближе...

Ачаду вспомнил, что и ему, когда он садился в лодку, показалось, будто мальчик стал ближе к берегу. И вновь пришедшая на ум догадка

заставила Учителя охнуть от стыда. Да как же так, ведь он знал, он не раз объяснял это ученикам! Тела притягиваются друг к другу! И чем больше масса тела, тем сила притяжения больше. Какова же масса земли? Огромна! Разумеется, она притягивала к себе Хепсу, тем более — сила трения отсутствовала! Притянет она и лодку... Но! Ачаду знал и то, что сила притяжения уменьшается с расстоянием.

— Хепсу, мальчик мой! — дрогнувшим голосом произнес Учитель. — Ты поистине самый лучший, самый талантливый и умный мой ученик. Ты, конечно же, прав. Даже я забыл про это! И все же, если мы будем кидать камни, как только лодка станет замедлять ход, мы можем вырваться из сферы притяжения земли. Так я думаю.

— А если нам не хватит на это камней?

— Тогда наши тела вернуться когда-нибудь к земле.

— А если там, где земля уже ничего не притягивает, не будет не только воды, но и воздуха? — задал совершенно неожиданный для Учителя вопрос ученик.

— Почему?.. — начал было Ачаду, и вновь понял, что потерял былую остроту ума. Ну, конечно же!.. Впрочем, Хепсу тоже нашел нужный ответ:

— Потому что земля притягивает к себе воздух. А там, дальше, воздух притягивает только

чернота, но она скользкая, и воздух будет скользить к большим массам — к нашей земле или к другим землям.

— Что?! — встрепенулся Ачаду. — Откуда ты знаешь про другие земли?

Мальчик вдруг вздрогнул и покраснел.

— Я не должен этого никому говорить... — опустил он голову.

— Мы все равно умрем, никто ничего не узнает, — сказал Учитель, хотя никак не мог взять в толк, что имеет в виду Хепсу.

— Ладно, — еле слышно прошептал ученик. — Сейчас, наверное, можно... Ты помнишь моего отца?

— Да, конечно, — кивнул Ачаду. — Он пришел в наше селение издалека, быстро прижился, взял в жены твою мать, очень красивую тогда... А потом он погиб во время охоты. Пропал в лесу. Другие охотники искали его несколько междусоний, но не нашли даже косточек. Ты же знаешь, сколько зверей в наших лесах!..

— Ты знаешь не все. Мне рассказывала мама, будто мой отец говорил, что он — не с этой земли. Он приплыл на большой лодке, стал жить с нами, но очень скучал по дому. Просил маму, чтобы она вместе со мной поплыла с ним на его землю. Но мама не захотела, испугалась, да и не очень верила во все это. Зато она сильно любила моего отца и не

могла смотреть, как он тоскует. И отпустила его. Но отец запретил говорить, кто он такой и откуда, и сказал маме: пусть все думают, что он погиб на охоте.

Хепсу замолчал. Ачаду молчал тоже — ошарашенный услышанным. Наконец он разлепил губы:

— Так вот почему ты увязался за мной!..

Хепсу кивнул.

— Да, но я не сказал еще самого главного. Я и сам не верю в это, мама тоже не верила, но все-таки сохранила вот что... — Мальчик сунул руку за набедренную повязку и вынул из ее складок светлый кружок с красным пятнышком посередине.

— Что это такое? — ахнул Учитель, глядя во все глаза, как загадочно светится алый камешек на блестящем диске, лежащем на ладони Хепсу. Ачаду протянул руку, и мальчик передал ему камень в странной оправе. Прикоснувшись к диковине, Учитель свел брови. Что-то она ему неожиданно напомнила... Рука Ачаду легла на грудь. Пальцы нащупали гладкую бусинку. Учитель поднес подарок старейшины к глазам. перевел взгляд на кругляш Хепсу. Нет, непохоже. У него камень совсем маленький и прозрачный, а этот — пылает огнем. И диск — необычный, блестящий, похож на металл, но на ощупь — теплый и... будто живой. Его камень — это просто украшение, талисман, а

вот у мальчика...

— Что это? — повторил он.

— Мама говорила, что отец называл это «ма-як», — мальчик выговорил последнее слово по слогам. — Я не знаю, что это значит. Но отец дал это маме и сказал, если она передумает, пусть нажмет на красный камень, тогда он приплывет за ней. Мама сильно скучала по моему отцу. Но она не верила, что земля имеет край. Она перестала верить и в то, что отец приплыл с другой земли. Мама убедила себя, что он и правда погиб на охоте. Но мне она рассказала все, и передала «маяк» перед смертью.

— Значит, другие земли все-таки есть! — воздел к небу руки Учитель. — Значит, я был прав!

— Ты знал об этом?! — настал черед удивляться мальчику.

— Я не знал наверняка. Но это было главное мое измышление. Я не говорил о нем никому. И вот — доказательство...

— Но может, все это неправда! Даже мама не верила.

— Мы можем проверить.

— Ты думаешь, он приплывет?

Ачаду промолчал. Он не знал. А еще он подумал, что даже если все правда, то путь от чужой земли может оказаться столь долгим, что они все равно не дождутся отца Хепсу.

Мальчик подумал о том же. И все-таки нажал на красный камень в середине блестящего круга.

Глава 4

Учитель и ученик спали. Возможно, это был уже тот самый сон, который плавно переходит в состояние, из которого нет пробуждения. Так бы, вероятно, и случилось с Ачаду и Хепсу. На жизнь у них сил все равно не осталось, на спасение не было надежды. Уснуть и не проснуться — это казалось обоим не худшим решением.

Однако в этот раз уйти в вечность им было не суждено. Первым проснулся Хепсу — от монотонного тонкого свиста. Сначала ему показалось, что из лодки выходит воздух, но оторвать голову от упруго-уютного борта он не сумел. Впрочем, мысли в голове еще шевелились, и мальчик подумал, что если бы лодка сдувалась, он бы это почувствовал — той же головой. Мысль эта была совсем посторонней, ненужной, чужой. Хепсу отнюдь не хотелось додумывать ее дальше. Он вновь смежил веки, стараясь не обращать на непонятный свист внимания. Но тот становился все громче, перешел уже в басовитое гудение. «Похоже на мой маленький дусос, — возникла еще одна мысль. — Но кто на нем может играть?»

Заворчался Учитель.

— Что это? — спросил он, прислушавшись.

Хепсу не ответил. Сил на это не было, да и ответа он все равно не знал.

Звук стал еще громче. Теперь он больше всего походил на шум горного ручья.

Ачаду, застонав, приподнялся и затуманенным взором стал искать источник звука. И сразу вздрогнул, напрягся, взгляд его моментально прояснился и застыл, устремленный в черную гладкую даль.

Учитель хотел что-то сказать, но горло издало лишь изумленный клекот. Учитель откашлялся и прохрипел:

— Посмотри...

Хепсу собрался, тоненько заскулил, но все же сумел приподнять голову. И тут же, вскрикнув, уронил ее снова и крепко зажмурился. Из туманного далека, по черной глади «озера» прямо на них мчалось нечто огромное и блестящее. Это можно было бы принять за лодку, не будь оно столь большим и не издавай звук, ставший уже оглушительным ревом.

Мальчик задрожал, сжался на дне лодки в комочек и закрыл голову руками. Учитель же, напротив, застыл от восторженного ужаса, широко распахнув глаза и даже забывая моргать.

Загадочная «лодка» между тем неожиданно перестала реветь, но через пару мгновений

завизжала совсем непереносимо для слуха. И тут же резко сбросила скорость, а потом и вовсе замедлилась настолько, что теперь ее смог бы догнать и пеший путник. Режущий нервы визг наконец-то прекратился.

Хепсу, все еще продолжая дрожать, приоткрыл веки, готовый тут же захлопнуть их снова. Но увиденное так потрясло его, что глаза, напротив, расширились, как до этого у Ачаду. Прямо на их лодку наплывала серебристая гора — так, по крайней мере, показалось мальчику со дна надувного суденышка. Склон «горы» выглядел абсолютно гладким и был закругленным, словно у гигантского плода фруктового дерева. Однако больше всего поразило Хепсу не это. Посреди приближавшейся громадины он увидел... два окна! Большие, в половину человеческого роста, со скругленными краями, и не пустые, как в хижинах, а блестящие, словно глаза, они как раз глаза и напоминали. Но самое странное, и в необъяснимой своей странности ужасное, заключалось в том, что из обоих «глаз» на Хепсу смотрели люди! По человеку на каждое окно. Язык перестал повиноваться мальчику, и он лишь коротко взвизгнул.

Учитель тоже смотрел на окна, вернее — на глядящих оттуда людей. Теперь они были так близко, что можно было без труда разглядеть их

лица. И лица эти Ачаду сразу не понравились. Одно было одутловатое, с мешками под щелочками глаз, с резкими складками возле углов рта; другое — почти красивое, правильной овальной формы, с тонким прямым носом, большими блестящими карими глазами и выразительным чувственным ртом. Правда, обладатель второго лица, в отличие от первого, был абсолютно лыс, зато имел аккуратную черную бородку и усики щеточкой. Но самое главное — глаза. Как щелочки первого, так и коричневые опалы второго излучали почти осязаемый холод. Ачаду сразу стало ясно, что от обладателей таких глаз ничего хорошего ждать не стоит.

Между тем гигантская «лодка» совсем сбавила ход и замерла в паре шагов от суденышка Ачаду и Хепсу. Какое-то время ничего не происходило, только из глаз-окон исчезли наблюдатели. Учитель почти не сомневался, что скоро предстоит увидеть их воочию. И это его совершенно не радовало. Ачаду нахмурился, пожевал губы.

Хепсу посмотрел на Учителя с надеждой:

— Кто-то из них — мой отец?

— Нет. Может, он тоже там, но эти двое...

Они мне не нравятся. Если они станут спрашивать, кто дал тебе диск...

— Маяк, — подсказал Хепсу.

— Да, — нервно мотнул головой Ачаду. — Так вот, если станут спрашивать, не говори!

— Почему?

— Не знаю. Но лучше не надо.

— А что ответить?

— М-м... Не знаю... — Учитель поморщился. — Я всегда внушал вам, как нехорошо лгать. Так вот, забудь сейчас о том, что я говорил тогда. Давай скажем, что нашли его здесь, на берегу.

— Хорошо, — кивнул мальчик, но в глазах у него осталось недоумение. А сам Ачаду вспомнил вдруг о подарке старейшины и на всякий случай, сняв его с шеи, спрятал в складках набедренной повязки.

Серебристая «лодка» снова проснулась. Вновь послушался звук, но не свист или рев, а тихое шипение. Точно так же шипят напуганные розалики, когда их пытаются схватить. Но это шипение не казалось испуганным, скорее наоборот — оно будто бы предупреждало об опасности, а то и угрожало.

По гладкому выпуклому боку блестящей громадины пробежала тонкая черная трещина, обрамив собой большой, в два человеческих роста, прямоугольник. Щель быстро росла, а вырезанный ею прямоугольник начал медленно опускаться к

надувной лодке.

Хепсу, по-прежнему сидя на дне, отполз к ногам Учителя и прижался к ним. Его снова была крупная дрожь. Ачаду положил ладонь на голову ученика.

— Спокойно, Хепсу! Непонятное всегда кажется страшным, но не всегда им является.

Впрочем, и сам Учитель чувствовал себя неуютно. Но, успокаивая мальчика, он убеждал и себя. Вряд ли он сейчас по-настоящему боялся, но сказать, что страх ему был вовсе неведом, было бы тоже неправдой.

А серебристый прямоугольник все опускался, оставив за собой в боку странной «лодки» хищно запахнутый зев. Такое сравнение пришло в голову Учителя неспроста — он был уверен, что эта разверстая темная дыра предназначена для них с Хепсу.

В то самое мгновение, когда серебряная плита, оказавшаяся с внутренней стороны темно-серой, опустилась в полушаге от лодки, в черном проеме показались две человеческие фигуры. Впрочем, были ли то действительно люди, Ачаду не смог бы сказать наверняка, потому что тела их, с ног до головы, покрывала такая же серебристо-блестящая, как и корпус гигантского судна, ткань. Даже головы существ оказались закрытыми этой тканью, и только в месте, где у

нормальных людей расположены глаза, сверкало по огромному, в половину лица, кругу.

Существа уверенно направились к лодке Ачаду. Подойдя к краю плиты, одно из них нагнулось, дотянулось до веревки, протянутой вдоль бортов, и подтянуло к себе лодку. Второе ткнуло пальцем на Ачаду, потом на дрожавшего Хепсу, а затем, недвусмысленно, — на черневшую позади себя дыру.

Мальчик еще сильнее прижался к ногам Учителя и судорожно их обнял. Рука Ачаду, все еще лежавшая на голове Хепсу, погладила волосы ученика.

— Ну-ну, мальчик, — прошептал Учитель. — Пойдем! Не стоит их злить.

Хепсу затрясся пуще прежнего, замотал головой, из глаз его брызнули слезы. Он что-то нечленораздельно провыл. И тогда Ачаду взял мальчика за плечи и крепко его встряхнул.

— Ну же! — крикнул он, нагнувшись к самому уху Хепсу. — Ну! Давай! Приди в себя!

Все было напрасно — мальчик продолжал выть и мотать головой так, что черные длинные космы захлестали по предплечьям Ачаду.

Фигуры в блестящих одеждах переглянулись. И одна сказала другой, скрежещуще-громко:

— Бесполезные. Маложивущие.

Вторая фигура — та, что удерживала за

веревку лодку, — молча кивнула. А первое существо вновь повернулось к людям и крикнуло:

— Быстро в корабль!

Ачаду, услышав человеческую речь, сразу успокоился, хотя слово «корабль» было ему незнакомо. Впрочем, он догадался: так называется «лодка» чужаков. Но предаваться дальнейшим измышлениям Учитель не стал, а просто ухватил Хепсу поперек талии и шагнул с ним за борт.

Тот человек, что держал лодку (то, что это все-таки люди, Ачаду уже почти не сомневался), выпустил из рук веревку и пнул надутую шкуру. Лодка быстро заскользила к берегу. Учитель проводил ее тоскующим взглядом — путь домой им незнакомцы отрезали.

Второй — тот, что кричал про «корабль», — толкнул Ачаду в спину и зычно повторил:

— В корабль! Быстро!

Насилу удерживая брыкающегося мальчика, Учитель зашагал в зияющий чернотой проем.

Глава 5

Учитель подозревал, что в загадочном *корабле* их ждут неведомые испытания и опасности, но он все же не рассчитывал, что они начнутся вот так сразу: стоило прямоугольной плите встать на свое место, как отовсюду — сверху, сбоку и даже снизу

— забили тугие струи мерзко пахнувшей жидкости. Дыхание сразу перехватило. В голове вспыхнуло: «Вот и все. Нас отравили!» Правда, рядом стояли и чужаки, по которым также хлестала вонючая жидкость, и это, похоже, их вовсе не беспокоило. К тому же, зачем применять столь сложный способ убийства? Достаточно было всего-навсего не трогать их с Хепсу — и они бы умерли сами, скорее всего — еще в эту бессонницу.

Потоки жидкости прекратились. Теперь отовсюду подул ветер. Вообще-то на земле из-за постоянной температуры почти не было ветра — лишь в горах, или возле больших водоемов происходило порой слабое движение воздуха. Поэтому Ачаду не сразу понял, что их обдувает воздухом — сначала ему показалось, что это вновь бьют по телу жидкие струи, только на сей раз без запаха. И лишь когда он почувствовал, что кожа и волосы стали быстро высыхать, пришел к верному выводу.

Там, где они сейчас стояли, было довольно тесно и почти темно — лишь неведомо откуда брезжил мертвенно-синий свет. Но стоило прекратиться ветру, как прямо перед Учителем образовался проем — на этот раз возникшая в гладкой стене щель быстро раздалась в стороны, и впереди блеснул яркий свет.

В спину толкнули. Ачаду едва не упал и

невольно шагнул навстречу свету. Мальчик на его руках тяжело дышал, но дрожать и вырываться перестал. Похоже, от потрясения его сознание перешло из одной крайности в другую: от паники к полной апатии. Это тревожило Учителя, да и руки его сильно устали.

— Пойдешь сам? — шепнул он на ухо Хепсу.

Тот никак не отреагировал на вопрос. Но Ачаду все-таки осторожно опустил мальчика на ноги. Хепсу пошатнулся, но устоял. Однако сзади им вновь ткнули в спины, и если бы Учитель не придержал мальчика, тот непременно упал бы. Ачаду повернул голову и процедил:

— Прекратите! Он не может идти быстро.

— Замолкни, безмозглый! — раздалось в ответ. Впрочем, нового тычка не последовало.

— Куда идти? — мрачно спросил Учитель.

— Прямо. И пошевеливайтесь!

Обхватив ученика за талию, Ачаду повел его по пустой, ярко освещенной и очень длинной комнате. Откуда льется свет, он так и не понял — нигде не было видно ни одного окна. Стены вокруг отсвечивали тускло-серым и были такими же гладкими, как и все на странном *корабле*. Пройдя почти половину комнаты, Учитель услышал окрик:

— Стоять!

Оглянувшись, он увидел, как стену вновь разорвала быстро растущая щель.

— Сюда! — мотнул головой один из чужаков. Они оба уже сняли маски, и Ачаду сразу узнал эти лица — одутловатое, с мешками под глазами, и красивое, с тонким носом. Именно эти лица недавно смотрели на них с Хепсу из окон серебряной «лодки».

«Если их только двое, это хорошо», — подумал Учитель, хотя он бы сейчас не справился и с одним, будь тот даже вдвое слабее любого из незнакомцев.

— Быстро! — прикрикнул лысый красавчик. А волосатый не удержался и вновь дал волю рукам, втолкнув сперва Хепсу, а затем и Ачаду в открывшийся проем. Мальчик упал. Учитель бросился поднимать ученика. Сзади раздался смех:

— Бесплезные!.. Погляди, Залг, какие они ничтожества!

— У них маяк, — напомнил тот, кого назвали Залгом. Ачаду скопил взгляд — Залгом оказался лысый.

— Сейчас все узнаем! — Волосатый подскочил к Учителю и рывком поднял его с пола, на котором остался лежать мальчик.

— Погоди, Олрог, — поморщился красавчик. — Пусть очухаются. Нам надо скорей убираться отсюда. Маяк могли услышать не только мы. Затем он прошил холодным взглядом Ачаду: — Отдай маяк, маложивущий!

Рука Учителя дрогнула, начала было подниматься, чтобы забрать у Хепсу камень, но неожиданная мысль пришла вдруг ему в голову. Он опустил руку к собственной повязке и, достав из ее складок подарок старейшины, отдал его лысому мужчине. Тот покрутил в пальцах камень, передал волосатому.

— Что это, Олрог? На маяк непохоже...

— Ха! — радостно хрюкнул «одутловатый». — Похоже на визор! Таких маленьких я и не видел... — Он продолжал разглядывать камешек, а красавчик Залг нахмурился и двинул Ачаду в плечо:

— Эй, бесполезный! Кого ты хочешь надуть? Я просил отдать маяк!

— Да они же безмозглые! — совсем развеселился Олрог, продолжая разглядывать то, что он назвал «визором». — Для них это все — камешки, украшения.

— Откуда вот только у них устройства долгоживущих? — Залг насупился еще больше и занес руку для нового удара. — Отдавай маяк... другой камень! Ну, ты!..

Учитель понял, что отпираться бесполезно, сопротивляться тем более, поэтому молча нагнулся к Хепсу, вынул из его повязки диск и так же молча протянул Залгу. Тот выхватил маяк из рук Учителя, и шагнул в проем, куда уже вышел одутловатый

Олрог. Напоследок лысый красавчик обернулся и бросил:

— Мы скоро вернемся. Надеюсь, вы умеете хоть иногда мыслить? Тогда начинайте! Когда мы придем снова, будете отвечать на все наши вопросы.

На месте проема вновь серела стена. Ачаду наконец-то посмотрел вокруг. Они находились в квадратной, маленькой — по четыре шага вдоль стен — комнате. Свет в ней был не столь ярк, как там, где они шли перед этим, но его оказалось вполне достаточно, чтобы внимательно оглядеться. И вновь Учитель не сумел определить источник этого света. Казалось, светился сам воздух, чего, разумеется, не могло быть.

Вдоль двух противоположных стен тянулись лежанки. Ачаду заглянул под одну из них и не увидел ни ножек, ни подпорок — толстая широкая доска выпирала прямо из стены. Лежанки были такими же серыми, как и пол, и стены, — то есть как все, что успел увидеть на *корабле* Учитель. Он провел рукой по лежанке, затем по стене. Не дерево и не металл. Но твердое, как металл, и теплое, как дерево.

Ачаду вновь склонился к мальчику. Приподнял его, помог сесть на лежанку. Хепсу сразу попытался лечь, но Учитель остановил его:

— Друг мой, сейчас не время спать! Нам надо многое обдумать. Твои измышления очень нужны мне сейчас.

Мальчик, опустив голову, молчал.

— Ну же, ну, Хепсу! — принялся тормошить его Ачаду. — Приди в себя! Возьми себя в руки!

Ученик вяло помотал головой. Говорить он не мог. Или не хотел. И это более всего тревожило сейчас Учителя. Лучше бы Хепсу кричал, плакал — это нормальная реакция в подобной ситуации для детской психики. А такое вот молчание, апатия, уход в себя... Этому надо было как-то помешать. Но как?

Ачаду вскочил, зашарил глазами по сторонам, хотя и так знал, что ничего в крохотной серой комнате, кроме них самих, нет. Зато... что-то мягко хлопнуло ему по спине. Мешок! Учитель совсем забыл про него; он и забросил его за плечи — там, в надувной лодке, перед тем, как подхватить на руки мальчики — совсем бессознательно, по привычке. Но чем он может помочь? Хотя... Нечто твердое упиралось сквозь грубую ткань в спину. Учитель снял мешок, развязал. Ах, вот оно что! Это же игрушка Хепсу! Маленький дусос. Какой с него прок?

И все же Ачаду поднес игрушку к губам, как делал это мальчик, дунул. Дусос издал неприятный жалобный свист. Хепсу вздрогнул и приоткрыл

глаза. Учитель дунул сильнее. Игрушка засвистела громче, но все так же неприятно. Ачаду непроизвольно поморщился. Зато мальчик наконец-то заговорил:

— Дай мне. Ты не умеешь... — И протянул руку.

Ачаду воспрял духом и отдал Хепсу игрушку. Тот принял ее бережно, провел рукой по трубочкам, будто погладил, а потом медленно поднял ко рту. Он дунул совсем не сильно, но дусос отозвался красивым и очень печальным звуком, пробравшим Ачаду до самого сердца. Трубочки забегали вдоль губ Хепсу, и Учитель невольно заслушался — столь проникновенные звуки полились из невзрачной игрушки. Казалось, что сделанный из сухого дерева дусос ожил, превратился в разумное существо, и рассказывал сейчас о своем горе, о страхе, охватившем его, о невозможности вернуться домой...

Что-то пробежало по щеке Ачаду и упало в бороду. Он провел ладонью — вода... Невольно глянул вверх и только тогда понял, что глаза его полны слез. Что за ерунда! Учитель не верил своим ушам и глазам — сушеная деревяшка не могла сделать такого! Или дело тут вовсе не в ней, а в мальчике? Но тогда это совсем необычный мальчик!

Ачаду и раньше выделял Хепсу среди

остальных учеников по уму и сообразительности. Но лишь сейчас он понял, что дело тут было не в уме — точнее, не только и не столько в уме, как в чем-то еще, не подвластном сознанию, в чем-то неосвязаемом, исходившим из темных, бездонных, как твердое «озеро», глаз мальчика... Хепсу был другим, не таким, как все остальные, не таким даже, как сам Ачаду. Поэтому и понять его до конца вряд ли было возможно.

Мальчик словно подслушал мысли Учителя. Он перестал дуть, убрал дусос от губ и медленно, ритмично покачивая головой, произнес:

*— Мы от неба закрыты,
Нас от дома уносит,
Наши губы разбиты,
Если кто-нибудь спросит:
«Что искали за краем?»,
Мы, и сами не зная,
Промолчим, умирая,
Губы не разлепляя...*

— Тут ты не во всем прав, мальчик, — обнял ученика Ачаду. — Умирать мы еще погодим. А вот губы разлеплять и впрямь не всегда стоит... Даже если они не разбиты пока.

Глава 6

Олрог и Залг шли по длинному коридору корабля и спорили. Впрочем, даже не столько спорили, сколько привычно перебрасывались вопросами и ответами, будучи почти уверенными, что скажет напарник.

— Да не знают эти бесполезные ничего! — ворчал Олрог. — Ну откуда?

— Вот именно, откуда? — фыркал Залг, потирая лысину. — Откуда у них маяк, визор?

— Да мало ли... Нашли!

— Ты находил когда-нибудь маяки такой мощности, да еще и столь маленьких размеров?

— Я и больших не находил. А уж таких мелких визоров!.. Слышал, что есть подобные, а видеть не приходилось.

— Вот именно. А ты говоришь: нашли!

— Ну, спросим у них — расскажут, никуда не денутся.

— У меня не денутся, точно! — Залг сжал кулак и погрозил потолку.

— Лучше скажи, куда их денем? К умникам? К воякам?

— Мальчишку к воякам рано... Его бы к умникам.

— А бородатого? Тоже?

Залг поскреб лысину:

— Бородатого могут не взять... Худой,

старый...

— Не такой уж он и старый. Тощий просто и заросший. Для маложивущего, конечно, не юнец, но умники его быстро оприходуют, не успеет сам загнуться! — Олрог тоненько захихикал.

— Поодиночке сдавать невыгодно. — Залг продолжал чесать лысину. — Да и пилить — на Тыпо к умникам, потом такой крюк — через Окелад — к Поко!

— Можно через Авонсо...

— Ты что?.. — Залг даже остановился. — Давно не сидел в исправе?

— Я там вообще никогда не сидел. — Олрог тоже остановился и шмыгнул носом.

— А я сидел. Больше не хочу!

Напарники вновь двинулись по проходу к раскрывшемуся перед ними в самом носу корабля прямоугольнику входа. Это была кабина управления, ходовая рубка, или что-то в этом роде — суть одна: именно отсюда осуществлялось управление судном. Именно отсюда — из мигающего индикаторами и поблескивающего приборными панелями отсека смотрели на черное «озеро» два окна-глаза, так поразившие недавно Ачаду и Хепсу.

Залг и Олрог уселись в черные кресла с высокими удобными спинками. Руки лысого красавчика легли на пульт управления.

— Так куда? К умникам?

— А может... к Шагроту, на Бишто?

Залг поморщился:

— Терпеть не могу эту жадную тварь! А уж его ублюдочную команду... Да и что мы с него поймеем?

— Он даст, конечно, меньше, чем дали бы те же вояки за двоих, но больше, чем дадут умники за одного. Поодиночке нам их сдавать, сам понимаешь, накладно. Нам главное узнать, откуда у них маяк и визор... Тогда мы вообще можем оказаться с таким наваром!..

— Или оказаться в исправе, а то и... — Залг не договорил, но и так было понятно, что он имеет в виду.

— Будем иметь головы на плечах — не пропадем! — на мгновение сжал щелочку глаза Олрог. — Давай к Шагроту, это ближе, быстрее избавимся от безмозглых и займемся настоящим делом.

Пальцы Залга неохотно забегали по клавишам.

— Ну, смотри... Если прогорим...

— Да перестань ты! — Олрог снова повеселел. Довольная улыбка раздвинула обвисшие щеки.

Корабль еле заметно вздрогнул. Шум двигателей не доносился в герметичную кабину, но

от мелкой, едва ощутимой вибрации казалось, что стены чуть слышно гудят. Судно быстро набирало скорость, но об этом говорили лишь показания приборов — за окнами, кроме густой черноты внизу и светло-серого неба сверху, не было ни одного ориентира.

— Вперед! — ткнул в окно пальцем Олрог и раззявил рот еще шире. Залг недовольно помотал головой.

— Брось, не кисни! — хлопнул его по плечу улыбчивый напарник. — Мы выходим в безвоздушное пространство!

И впрямь, туманная пелена, словно повисшая над «озером» в дальнем далеке, постепенно исчезла, и теперь черная гладь казалась не имеющей ни конца, ни края, что навевало некую неосознанную жуть, противный холодок в районе желудка.

Залг, тем не менее, продолжал вглядываться вдаль. Разговаривать ему явно расхотелось.

Олрог решил не навязываться. Чтобы как-то занять себя, он вновь принялся крутить в руках устройства, отобранные у маложивущих.

Последнее, что он успел в своей жизни увидеть и даже начать осознавать — это цвет прозрачного маленького камешка визора, изменившийся вдруг на ярко-алый, почти такой же, как у маяка. А потом камень резко, в доли

мгновения раздулся, брызнул красным вокруг себя, разом заполнив помещение рубки, вобрав в лопнувшую красноту обоих напарников вместе с креслами, а потом, с оглушительным (хоть глушить уже было и некого) треском выбил толстые стекла окон и выпорхнул наружу с прощальным хлюпом.

Ачаду и Хепсу почувствовали, как дрогнул *корабль*, как задрожали его пол и стены.

— Это что? — захлопал ресницами мальчик.

— Скорее всего, мы начали движение...

Поплыли по озеру на этой большой лодке.

— А почему она трясется? — Хепсу с опаской поднес руку к стене и приложил к ней ладонь.

— Не знаю... Ты помнишь, как громко выла эта лодка, когда плыла к нам? Я думаю, она и сейчас так шумит, только мы не слышим. Зато от шума дрожат стены.

— Зачем же она так шумит?

— Наверное, так шумит то, что заставляет эту лодку... этот *корабль* двигаться. Помнишь, как мы передвигались по скользкому «озеру» в нашей надувной лодке? Я бросал камни, и лодка двигалась в обратном их полету направлении...

— Ты думаешь, здесь тоже кто-то кидает камни? — недоверчиво распахнул глаза Хепсу. — Какие же это должны быть камни, чтобы сдвинуть

такую громадину? И какими силачами должны быть те, кто эти камни кидает! — Мальчик едва заметно, одними уголками губ, улыбнулся: — Эти двое... им такое не под силу.

— Не знаю, ответят ли они, если мы у них об этом спросим... — попытался перейти на шутливый тон Учитель, но *корабль* вдруг ощутимо тряхнуло, в комнате на пару мгновений стало темно, а потом ее залил тот мертвенно-синий свет, что показался столь неприятным Ачаду в самом начале, когда их обливали вонючей жидкостью.

Наступила полная, почти осязаемая тишина. Даже стены и пол перестали дрожать. Хепсу прижался к Учителю. Теперь опять задрожал он.

— Ч-что это? П-почему т-так?

— Не знаю, — в очередной раз ответил Ачаду. Но теперь и ему стало по-настоящему страшно. Пожалуй, впервые в жизни он не знал, что происходит сейчас с ним, что надо делать ему в создавшейся ситуации. Но сидеть и недоумевать, когда рядом находится человек, которому еще хуже сейчас, еще страшнее, для которого он является единственной надеждой, опорой, — он тоже не мог.

Учитель встал, подошел к той стене, через проем в которой они попали в комнату, и провел по ней рукой. Пальцы нащупали тоненькую ниточку щели. Ачаду прижал ладони по обе стороны от этой невидимой глазу черты, напрягся, пытаюсь развести

их в стороны. Бесполезно! Стена даже не дрогнула. Похоже, с этой стороны раскрыть ее было невозможно. Или ее вообще могли открыть только те двое... Вспомнив о хозяевах *корабля*, Учитель немного успокоился и поспешил успокоить мальчика:

— Не бойся! Помнишь, те люди сказали: «Мы скоро вернемся»? Подождем немного и все узнаем.

— Я н-не хочу, ч-чтобы они возвращались! — помотал головой Хепсу, но дрожь его стала затихать.

— Как же иначе мы узнаем, что случилось? Как выберемся отсюда? Не бойся, они не сделают нам ничего плохого... — Учитель подумал, что вряд ли его слова прозвучали искренне, и добавил: — А если захотят сделать... Что ж, расскажем им все про маяк.

— Но тогда они сделают плохо отцу!

— Ладно, мы скажем им, что маяк оставил в нашем селении незнакомец, который неведомо откуда взялся, а потом неизвестно куда исчез. Собственно, это будет правдой. Договорились?

Мальчик кивнул. Но ему было по-прежнему очень страшно, хоть он уже и не дрожал. Спросил, стараясь, чтобы не дрожал и голос:

— Все-таки почему нас тряхнуло, почему стало темно, почему лодка больше не шумит? Может, она уже приплыла на место?

— Давай измышлять вместе, — подхватился Учитель. — Ты помнишь, как плыла к нам эта лодка... Нет, давай называть ее *кораблем*, как называют ее хозяева. Помнишь, как он к нам плыл? Быстро?

— Да, — неуверенно кивнул Хепсу.

— Очень быстро?

— Очень, — пожал плечами мальчик.

— Хорошо, но все-таки не настолько быстро; ведь с тех пор, как задрожали стены, и до того, как погас свет, прошло очень мало времени. Гораздо меньше, чем когда *корабль* приближался к нашей лодке. И мы не знаем, как долго он плыл до этого, дотога, как мы его услышали и увидели. Значит, и сейчас он не мог доплыть до... другой земли быстрее. Ведь так? Иначе мы бы ее видели с берега «озера»!

Хепсу подумал и утвердительно кивнул. А потом радостно вскинул голову:

— Может, он пристал к *нашему* берегу? Потому и трянуло!

— Вполне возможно! — Ачаду запустил пальцы в бороду. — Об этом я почему-то не подумал... Но зачем?

— Они хотят найти того, кто дал мне маяк, а тебе — тот, другой камень... — Мальчик бросил на Учителя вопросительный взгляд. Тот все понял и слегка смутился:

— Мне дал его старейшина. Перед тем как я пошел искать край земли.

— Старейшина?.. — Глаза мальчика округлились и в полумраке стали совсем черными. — Но он же тебя...

— Да, я тоже не понял его поступок... Видимо, у него были какие-то измышления, неведомые мне. Разве это важно сейчас?

— Конечно! Если *эти*, — слово «эти» он произнес с брезгливостью, — узнают, они могут сделать плохо старейшине! Что тогда будет с селением?

— Неужели ты думаешь, если мы и впрямь пристали к нашему берегу, что эти... люди пойдут к нам в селение? Ты помнишь, сколько междусоний мы сюда шли?

— Если они могут делать такие *корабли*, кто знает, что они могут еще...

— И все-таки, твои измышления зашли очень далеко! — затряс бородой Ачаду. — И потом, они никуда не пойдут, пока не поговорят с нами. А они с нами почему-то не говорят. Странно... Прошло уже много времени.

— А может, мы все-таки движемся? — посмотрел на Учителя Хепсу.

— Но... стены не дрожат, — попытался возразить тот.

— Ну и что? Просто перестали «бросать

камни». То есть, перестали делать то, что заменяет у них бросание камней.

— Значит, мы перестали... Фу-ты, я совсем потерял разум с этими событиями! — Ачаду звучно шлепнул себя по лбу. — Конечно! «Камни» не обязательно «бросать» все время! Достаточно вырваться из пут притяжения земли. А потом корабль будет двигаться с той же скоростью, что он уже развил, — ведь силы трения нет.

— А когда он приблизится к другой земле, — подхватил Хепсу, — он снова начнет «бросать камни», только в другую сторону, чтобы замедлиться и остановиться.

— Это больше похоже на истину! — воодушевился Учитель. — Но почему нас потрянуло? И почему погас свет?

— А зачем нам свет? — жестко переспросил мальчик. — *Они*, наверное, подумали, что нам хорошо и так.

— Тоже правдоподобно. Остался толчок. — Ачаду стало уже интересно, что ответит мальчик. Его даже обуяла гордость, какого ученика он сумел воспитать.

Ученик выдал сразу два измышления:

— Может быть так. Когда перестают «бросать камни» — лодку встряхивает. Или это последний «камень» такой тяжелый. — Хепсу впервые на корабле улыбнулся открыто. — А может быть

по-другому. Просто мы выскочили из воздуха.

— Из воздуха? — Учитель задумался. — Из воздуха, окружающего землю? Очень, очень похоже! Какой же ты молодец, мой мальчик!

Если бы кто-то смотрел на них со стороны, даже в неверном синем свете было бы видно, как заблестели глаза у обоих.

А корабль между тем действительно продолжал движение почти точно по курсу, который успел ввести в бортовую систему Залг. Импульс, вызванный вырвавшимся из разбитых окон сгустком раскаленного газа, был во много раз слабее ускорения, полученного кораблем от работавших до момента аварии двигателей. Ему удалось лишь чуть-чуть изменить прежний курс. Теперь корабль двигался по инерции, но скорость его была по-прежнему велика. И не было в безбрежно-бездонном мире силы, которая могла бы ее погасить. Пока не было.

Глава 7

Учитель и ученик заснули, устав от долгого обмена измышлениями. Спали нервно, часто просыпаясь от неведомой тревоги и причудившихся звуков. Наконец оба уселись на лежанках. Говорить не было желания. Обоим хотелось есть, а особенно

пить. Но Хепсу все же откашлялся и выдал хриплым после сна голосом:

*— Вот так и умрем от жажды,
Закрытые в синем свете.
Не скажет никто однажды,
Кто будет за то в ответе...*

— Опять «умрем»! — рассердился Ачаду. — Ты красиво умеешь играть словами, но почему всегда так грустно, безнадежно?

— Не всегда, — спокойно ответил мальчик. — Но сейчас-то чему радоваться? Даже в пустыне умирать было веселее — все-таки светлое небо над головой, вокруг простор!.. Хочешь веселое? — Хепсу озорно прищурился:

*— Внизу земля, вокруг простор,
Вверху свеченье —
И умереть там не позор,
А развлеченье!*

Учитель хотел раздраженно сплюнуть, но слюны в пересохшем рту не оказалось. Поэтому он только махнул рукой:

— Да ну тебя!

Мальчик неожиданно рассмеялся.

— А мне почему-то уже не страшно!

Наверное, потому, что *эти* уже не придут. Даже умирать не страшно, правда. Первый раз было страшно, а теперь я уже как-то привык. Только мне тебя жалко...

— Ладно, все, хватит о смерти! — прихлопнул ладонью по лежанке Ачаду. — Придет — и придет, незачем ее кликать. И с чего ты взял, что *эти* к нам не придут?

— Так пришли бы уже давно. Что-то у них случилось, я чувствую. Так что нас теперь уже никто не спасет.

— А что ты вообще понимаешь под словом «спасение»? — задал неожиданный вопрос Учитель.

— Как что? Придет кто-нибудь, откроет эту стену, выпустит нас на свободу...

— Кто придет? На какую свободу? — Под бородой Ачаду спряталась усмешка.

— Да все равно кто! Лишь бы не те двое... И отпустили бы нас: идите, куда хотите.

— Хорошо. Пришли, отпустили. Куда ты пойдешь?

Хепсу задумался. Но быстро тряхнул черной гривой:

— А там видно будет! Мы ведь вдвоем с тобой пойдём. Неужели не найдем, где можно жить свободно?

— Но я так и не понял твои измышления

насчет свободы... Вернее, вообще их не услышал. Что значит, по-твоему, «жить свободно»?

— Чтобы никто нас не хватал, не запирал нигде. Чтобы мы сами могли жить так, как нам хочется.

— А разве так бывает? Разве есть такое место, где можно было бы жить так, как хочется? Чтобы еда сама прыгала в рот? Чтобы все твои желания сами собой исполнялись? Даже между нами могут возникнуть такие отношения, когда мне захочется чего-то одного, а тебе — совсем другого. И оба желания нельзя осуществить вместе. Что тогда? Кто-то из нас двоих должен будет уступить, а значит, следуя твоему измышлению, уже будет несвободен.

— Так что же тогда свобода?

— Не знаю... — Ачаду вновь хмыкнул в бороду. — Что-то я часто стал отвечать так, как не пристало Учителю, ты уж прости. Впрочем, мы сейчас не на уроке. Хотя... Лучшие уроки дает сама жизнь. И особенно хорошие — когда жизнь не течет гладко, а ставит перед человеком проблемы, кажущиеся порой неразрешимыми. Вот как сейчас... Ладно, я попробую ответить тебе. Как я сам это понимаю. Я уже говорил, что нет и быть не может такого понятия как «свобода» в чистом виде, когда ты волен делать все-все-все, что захочешь. Ну не бывает так в этой жизни! Вот я бы, скажем,

очень хотел прогуляться по небу, летать над землей быстрой стрелой... Но это невозможно, ведь так? Так что же мне — плакать, страдать, жаловаться всем, что я не могу летать? Пусть меня пожалеют... Вот я и стану тогда несвободным. Я сам себе стану внушать: я не могу то, у меня нет этого... И сам же этим лишу себя свободы. Свободен не тот, кто имеет все, что пожелает, а тот, кто умеет находить радость жизни в любой ситуации. Свобода — это образ жизни, твое отношение к ней, умение управлять своими чувствами и желаниями. И не надо говорить, что твое внутреннее состояние зависит не от тебя самого, а от внешних обстоятельств. Твой внутренний мир потому и твой, что лишь ты сам в нем хозяин! В нем ты — *свободен*. Конечно, если поймешь это и сам захочешь стать свободным.

Учитель замолчал. Молчал и ученик. Оба сидели, не глядя друг на друга. Наконец мальчик вздохнул и то ли тихо спросил, то ли просто сказал самому себе:

— И вот в этой запертой комнате я свободен?..

Ачаду услышал. И ответил:

— Ты *можешь* быть в ней свободным. Можешь начать метаться, плакать, кричать... Тебя никто не услышит, кроме меня, никто не поможет, но ты станешь несвободен по-настоящему. А

можешь просто находить маленькие радости в данном положении: ты жив, у тебя ничего не болит, рядом есть человек, с которым интересно — я надеюсь — беседовать. Ты можешь измышлять, мечтать... Можешь, наконец, дуть в свои трубочки или играть словами... Да, ограничений в этой маленькой комнате гораздо больше, чем в большом мире, но они все равно есть везде. Кроме... — Он выжидающе посмотрел на Хепсу. Тот кивнул и закончил:

— ...моего внутреннего мира.

Учитель положил руку на плечо мальчика.

— Значит, мы свободны?

Тот хмыкнул, кивнул, но все же добавил:

— Мне было бы гораздо свободней с другой стороны этих стен.

С другой стороны этих прочных металлических стен происходило следующее. Отклонившийся от курса корабль проследовал не прямо к «острову» Бишто, а пошел чуть левее его. Но сила притяжения массивной «земли», а чуть позже и ее атмосфера, оказали на поврежденное судно значительное влияние и сбавили его скорость, а заодно и траекторию движения. Корабль все ближе и ближе сносило к «берегу», пока он не чиркнул днищем по тонкому слою песка. Раз, другой... Скорость заметно снизилась, а сам

корабль стал медленно поворачиваться разбитым носом к земле. Чиркнув по широкой песчаной косе, выступавшей далеко в «озеро», судно бешено закрутилось юлой, все еще продолжая довольно быстро скользить по черной глади, пока на пути его движения не лег поросший зеленью мыс. К счастью, склон его, опускающийся к «озеру» был очень пологим, поэтому корабль не разбился в лепешку, а лишь с жестоким скрежетом раздираемой обшивки вломился в гущу кустов и деревьев.

Когда Ачаду и Хепсу почувствовали первый легкий толчок, оба разом крикнули:

— Тормозим!

Непонятно, чего было больше в этом спаренном крике — радости или тревоги.

Второй толчок, следовавший почти сразу за первым, Учитель и ученик встретили молча, лишь переглянулись. Но тут тряхануло так, что оба полетели с лежанок на пол, а когда закрутило-завертело, прижало вращением к стенкам, — удержаться от криков стало уже невозможно. И радости в них уже точно не слышалось.

А потом — одно лишь вращение, без толчков... Ачаду и Хепсу перестали кричать, но оба замерли, сжались, ожидая новых сюрпризов. И не

напрасно. Мощный толчок отбросил обоих к той самой стене, где невидимой линией значился желанный выход, прижал к холодному металлу, отбросил, снова прижал. Корабль заскрежетал и затрясся в конвульсиях. Мальчика и взрослого швыряло уже по всей тесной комнате, словно тряпичных кукол. Если они и кричали, это невозможно было услышать из-за грохота ударов и треска рвущегося металла.

Хепсу потерял сознание. Ачаду был в себе, но с каждым мгновением ждал наступления смерти. И вот — оглушительный треск, в глаза ослепительно полыхнуло и... Нет, он все же не умер. Зато прекратилось движение, а вокруг стало так неестественно тихо, что насчет смерти можно было помыслить еще. Тем более, глаза Учитель произвольно зажмурил, а теперь боялся их открыть.

Рядом послышался стон, и Ачаду сразу забыл о страхе собственной смерти. Теперь он боялся за ученика. Распахнув глаза, он тут же зажмурился снова — яркий свет продолжал бить в глаза. Теперь Учитель лишь чуть-чуть разлепил веки. Потом еще чуть шире. Что же такое светит? Такое ослепительно-белое?.. Глазам стало легче. Он раскрыл их полностью. И увидел... небо! Одна из стен их бывшей «темницы», а точнее — «синицы», раскололась, как ствол высохшего дусоса,

образовав широченную щель. Через нее и глядело на Учителя небо, и не такое уж оно было яркое — вполне обычное, светло-серое. А еще виднелись сквозь разрыв зеленые ветви деревьев. И запах!.. Нет, его не было видно, зато он, казалось, заполнил собой все тесное помещение узилища. Почему-то раньше Ачаду никогда не ощущал, что так могут пахнуть деревья. Или же это запах свободы? Но при чем тут свобода? Ведь он только что объяснял Хепсу, что такое настоящая свобода.

Хепсу!.. Учитель пришел в себя окончательно и бросился к застонавшему вновь ученику. Тот лежал навзничь возле одной из лежанок. Черные волосы окрасились алым. Ачаду наклонился, осторожно приподнял голову мальчика. Кровь сочилась из затылка, ею же был испачкан край лежанки — видимо об него-то и пришелся удар головой.

— Больно!.. — простонал Хепсу, не раскрывая глаз.

Ачаду облегченно выдохнул — говорит, это уже хорошо!

— Сейчас, сейчас! — сказал он. — Потерпи... — И осторожно стал ощупывать края раны. Судя по всему, череп был цел. Скорее всего, удар лишь содрал кожу.

В любом случае, рану требовалось перевязать.

Но чем? Ачаду вспомнил про мешок. Достал из него мешок Хепсу, пустые фляги, сильно рванул грубую ткань. Та не поддавалась. Тогда Учитель подскочил к излому в стене, — с острыми рваными краями — провел по нему натянутой тканью, и она, затрещав, разорвалась. Еще парой взмахов по металлу Ачаду сделал из мешковины подобие ленты и замотал ею голову Хепсу.

Мальчик наконец-то раскрыл глаза. Поморщился — то ли от боли, то ли от непривычно яркого света — и тихо спросил:

— Где мы?

И Учитель, вновь забыв про недавнюю «лекцию», сказал:

— По-моему, мы на свободе.

Глава 8

Ачаду осторожно, боясь пораниться об острые края разрыва, выбрался из корабля. Мальчику он велел пока оставаться внутри. Во-первых, тот был слишком слаб, да и нужно было сначала оглядеться. Кроме того, не мешало бы найти хоть немного воды и чего-нибудь съестного.

Вокруг зеленел лес. Совсем как на земле. «Может, это и есть земля?» — подумал Учитель и подошел к стволу ближайшего дерева. Темно-бурая кора, зеленые листья — все как дома. Но само

дерево было ему незнакомо. Впрочем, разве он специалист по деревьям? Да и земля большая, а он дальше, чем в этот последний поход, из селения не выбирался. Два раза был в городе, но это тоже недалеко.

И все же, что-то здесь было не так. Может быть, запах? Недаром еще в корабле, после крушения, ему первым в сознание бросился именно запах. Ачаду втянул ноздрями воздух. Пахло и впрямь необычно. Или ему это только причудилось после спертого воздуха корабля?

Учитель поднял голову и нахмурился. Светлое небо показалось ему неоднородным. Он слегка прищурился. И впрямь, небо было в каких-то грязных пятнах! И эти пятна темнели много ниже равномерного небесного свечения. На щеку упала капля. Потом еще одна. И еще, еще... Листья деревьев зашелестели.

Ачаду нахмурился. Подставил под капли ладонь. Она быстро стала мокрой. Тогда он поднес руку к лицу, осторожно понюхал, затем лизнул. Вода! Это была всего лишь вода!

И Учитель вспомнил, как охотники из родного селения, уходившие далеко в горы, рассказывали, что видели иногда, как с неба льется вода... И торговцы из города говорили что-то подобное. Только им никто не верил. И вот теперь он наблюдал это сам. Странное явление... Но

наверняка ведь имеет под собой объяснимые корни! Надо будет поизмышлять на досуге. Вместе с Хепсу. Гибкий ум мальчика быстро найдет разгадку, или хотя бы подтолкнет к ней.

А сейчас падающая с неба вода напомнила Учителю, что ее-то, воду, он и собирался искать. Ачаду открыл было флягу, но быстро понял, что небесными капельками он будет набирать ее не одно междусонье. К тому же, капли стали падать реже, а вскоре перестали вовсе.

Учитель потерял бороду. Где же искать воду? Идти в лес? Как бы не заблудиться... А что если посмотреть с другой стороны корабля? Кувыркаясь перед остановкой, он наверняка оставил заметный след — можно будет побродить вокруг, не теряя его из виду.

Ачаду повернулся к кораблю и лишь теперь разглядел как следует последствия этой самой «остановки». Длинная туша быстроходной некогда «лодки» походила на ствол огромного блестящего дерева, сильно приплюснутого сверху и снизу, а теперь еще и помятого, согнутого и разломанного в нескольких местах. Из-за кустов и поваленных деревьев не было видно носа корабля, и Учителю стало вдруг очень неудобно — ведь именно там, в носовой части, находились два больших окна-глаза, через которые он впервые разглядел Залга и Олрога. Наверняка они и сейчас там... Может быть

ранены, а может — вполне целехоньки, выбрались наружу и наблюдают за ним сквозь густую листву. Кожа Ачаду покрылась пупырышками, ладони враз стали липкими. Учитель непроизвольно согнулся.

Как бы то ни было, но выяснить, что стало с хозяевами корабля, следовало непременно. Иначе оставлять здесь мальчика, даже ненадолго, было бы очень нежелательно. Все так же согнувшись, прижимаясь к серебристому боку корабля, Ачаду медленно двинулся в сторону носовой части. А когда добрался-таки до завала, невольно ахнул: кусты и ветви сломанных деревьев вовсе не скрывали собой нос — того не было вовсе! Его словно откусил кто-то прожорливый и огромный, оставив впереди корабля овал дыры с зазубренными краями, ведущей в тот самый длинный коридор, по которому Ачаду и Хепсу уже доводилось ходить. Только он был сейчас почти темный, не считая пятен света в местах разлома корпуса.

Учитель погладил белые завитки бороды, нахмурил черные брови. Вроде бы, можно успокоиться — их похитителей нет. И наверное, их уже нет вообще. Но наверняка он этого не знал. Поэтому в первую очередь решил найти оторванную кабину. Ведь должна она где-то быть, не съел же ее и впрямь некий местный великан!

Ачаду посмотрел туда, откуда прибыл на

место последней стоянки корабль. Он не сильно удивился, потому что предполагал уже, что увидит — широкую просеку в лесу, поваленные деревья, вспаханную землю... Вот только части разрушенной «лодки» с глазами-окнами он так и не обнаружил. Что ж, следовало пойти вдоль следа, взрезанного кораблем — тем более, он так и собирался сделать ранее.

Перешагивая через поваленные, изломанные стволы деревьев, оскальзываясь на мокрой траве, Учитель двинулся вдаль по широкой новоявленной просеке. На преодоление препятствий уходило слишком уж много времени и сил, к тому же — в этом месиве покореженной древесины и земли вряд ли можно было отыскать что-либо полезное — а именно: воду и пищу, поэтому Ачаду решил продолжить движение по лесу, не отходя слишком далеко от просеки.

Едва стоило зайти под древесные кроны, как удача тут же поманила его пальчиком. Или просто подразнилась — буквально в трех шагах от вспаханной кораблем полосы Учитель наткнулся на пышный невысокий куст, усыпанный желтыми плодами, формой и размерами и впрямь напоминающими пальцы. Они даже состояли из двух-трех сочлененных, словно фаланги, сегментов.

Сначала Ачаду при виде этих пальцеподобных

отростков испытал даже чувство брезгливости. Но напомнивший о себе урчанием в желудке голод потребовал забыть о привередливости. Учитель сорвал один из плодов. Тот был мягким на ощупь, с тонкой полупрозрачной кожицей, и пах довольно приятно. Вот только был ли съедобным? Ачаду пригляделся. Хоть на кусте и висело множество «пальчиков», при внимательном осмотре стало заметно, что кто-то до него уже оборвал порядочное количество плодов. Несколько «пальцев», целых и раздавленных, валялось в невысокой траве. И трава эта была примятой, словно кто-то совсем недавно топтался тут и собирал урожай.

Первыми, о ком подумал Ачаду, стали, конечно же, хозяева корабля — Залг и Олрог. Но, поразмышляв еще, он все же откинул эту догадку. На корабле наверняка имелись запасы воды и пищи, так что рвать в лесу плоды им вряд ли пришлось бы в голову. Тем более, сначала бы они, разумеется, навестили пленников.

Подумав о корабельных запасах, Учитель решил по возвращении поискать их тоже, хотя в удачу мало верил. Наверняка они заперты в какой-нибудь комнате корабля так же прочно, как до этого были заперты сами Ачаду и Хепсу. Если, конечно, корабль не дал трещину как раз по пищевому складу. Проверить нужно, но

вероятность удачи небольшая, пока стоило больше надеяться на дары чужой земли.

Что ж, вернулся к измышлению о незнакомце, оборвавшему куст, Учитель. Возможно, это был местный житель. Возможно — зверь. И тот, и другой не стали бы рвать несъедобные плоды. Если только это не сделал разумный туземец для приготовления яда, чтобы смазать им наконечники стрел... Последнее измышление не очень понравилось Ачаду, но все-таки он посчитал, что вероятность его достоверности не столь уж и велика. Тем более живот буркнул в очередной раз, особенно призывно и даже где-то возмущенно от нерешительности хозяина.

Ачаду зажмурился и откусил одну «фалангу». В рот брызнуло сладким соком. Мякоть так и растаяла во рту! Вкус у «пальчика» оказался изумительным! Учитель принялся торопливо, обеими руками, срывать вкусные плоды и запихивать в рот один за другим, едва успевая глотать сок, который разукрасил в желтый цвет бороду и стекал по груди. Уже утолив голод, а заодно и жажду, Ачаду все никак не мог оторваться от сочных «пальчиков». Лишь вспомнив о том, что его ждет раненный и голодный мальчик, он наконец-то заставил себя выпустить ветку кустарника. Но теперь предстояло придумать, как донести плоды к Хепсу. Ведь кроме двух фляг

ничего у Ачаду не было. Разве что набедренная повязка...

Впрочем, решил Учитель, «пальчики» можно оставить на потом, на обратный путь к кораблю. Сейчас же он хотел все-таки дойти до начала просеки — туда, где непременно должно быть безбрежное и бездонное твердое «озеро», по которому прибыли они сюда с родной земли. Почему ему хотелось сделать это, Ачаду не знал, но туда, на неведомый берег, его будто что-то неудержимо влекло. А он привык доверять своим чувствам. Снова выйдя на просеку, он оглянулся, чтобы запомнить плодоносное место, вновь нырнул в лес и скоро зашагал вперед. А если сказать точнее, назад — туда, откуда началось их с Хепсу вторжение на чужую землю.

Идти пришлось недолго, сквозь поредевшие деревья он вскоре увидел знакомую черную гладь. Хотя... Что-то все же было в ней не очень знакомым. Не такой уж и черной выглядела эта гладь отсюда, скорее наоборот — она была ближе по цвету серому небу, да к тому же еще и блестела слишком уж ярко.

Выйдя наконец из леса на пологий берег, Учитель раскрыл рот в немом «ахе»: перед ним раскинулось *настоящее* озеро! С водой! И все-таки... Все-таки это было *то самое* черное

озеро. Ачаду нагнулся к воде, опустил в нее руку и сразу наткнулся на гладкую поверхность, цвет которой через тонкий водяной слой говорил сам за себя.

«Почему же здесь сверху вода?» — прошептал Учитель и оглядел, насколько мог, берег. Первое, что он увидел невдалеке — блестящую между деревьями носовую часть корабля. Это заставило его вздрогнуть и пригнуться, а потом и прислушаться. И вот, наострив слух, он сразу же услышал тихое журчание. Поискав взглядом источник звука, он скоро увидел его. Это был ручей, даже речка, довольно широкая, хоть и мелкая, насколько это можно было понять издали. И она изливалась прямо на черную озерную гладь, разлив по ней свои воды далеко-далеко, насколько позволяла увидеть туманная дымка.

Бросая настороженные взгляды на кусок корабля, Ачаду, согнувшись, побежал к ручью. Склонился над ним, зачерпнул пригоршнями прозрачно-чистую воду. Хоть он и утолил уже жажду плодами, все равно не утерпел и сделал глубокий глоток. Какой же вкусной показалась ему эта простая вода — гораздо вкуснее даже сладкого сока «пальчиков»! Учитель лег на землю и, опустив в речку лицо, жадно хватал ртом новые и новые глотки. Когда пить уже стало невозможно, он оторвал лицо от воды, отдышался и с наслаждением стал

умываться. А потом и вовсе лег в воду и принялся кататься по каменисто-песчаному дну с криками неподдельного восторга.

И тут он снова вспомнил о ждущем его ученике. Стало нестерпимо стыдно. Ачаду стремительно вскочил, словно вода превратилась вдруг в крутой кипяток, и выпрыгнул на сушу. Быстро набрав обе фляги, Учитель зашагал к обломку корабля. Надо было решить последний на данный момент жизненно важный вопрос.

Кабина (Ачаду не мог знать этого слова, но это была именно кабина) оказалась пустой. Мало того, еще издалека, на полпути к ней, Учитель заметил, что окна-глазницы больше не блестят. Подойдя ближе, он увидел, что блестеть в них больше было и нечему. Несчастный обломок лежал на боку, так что Ачаду ничто не помешало заглянуть в одно из слепых окон. То, что он увидел внутри, заставило его в ужасе отшатнуться. Вся внутренняя поверхность была искорежена и оплавлена, сбоку — из бывшего пола — торчали два черных скелета кресел, повсюду болтались обугленные ошметки обшивки и странных длинных нитей (проводов). Но самое страшное — повсюду была кровь. Два цвета — черный и красный — царили внутри последнего обиталища Залга и Олрога.

Что ж, как ни жестоко это звучало, но Ачаду с облегчением выдохнул. Теперь он был полностью спокоен. Никакая явная опасность им с Хепсу больше не угрожала. Было что есть, было что пить, их похитители были точно мертвы.

На обратном пути, как и намеревался, Учитель взял для Хепсу желтых плодов. Немного подумав, он отказался от идеи с набедренной повязкой, а просто-напросто нарвал «пальчики» вместе с ветками.

Держа в одной руке сладкий «веник», а в другой обе фляги, он, радостный и довольный, быстро добрался до корабля. От предвкушения скорой радости мальчика, Ачаду почти подбежал к раззявленной в глянцевого боку щели. Просунул в нее белую, «свежестирную» бороду, над которой сияла столь же белыми зубами улыбка. Которая тут же погасла. Мальчика в корабле не было.

Часть 2. Мальчик и девочка

Глава 9

Когда Учитель ушел, Хепсу стало совсем плохо. Даже не столько из-за того, что сильно

болела голова, — просто одному стало очень неуютно и страшно. Куда они попали? Неужто это и впрямь чужая земля? Неужели все это правда? То, что их земля имеет край — в этом они с Ачаду убедились. Но теперь получается, что их самое главное измышление — о *других* землях — это уже не просто измышление, а действительность. А раз так, то на этой чужой земле тоже могут жить люди. И... Хепсу невольно сглотнул, хотя слюны в пересохшем рту не было... И может быть именно здесь живет его отец?

Изнутри разбитого корабля слышался слабый треск. Тяжелая металлическая туша давала осадку, отчего увеличивались многочисленные щели. Но мальчик этого не знал. Ему показалось, что внутри большой «лодки» кто-то ходит. Хепсу плотнее прижался к стене, словно хотел слиться с нею и стать невидимым для врагов. «А почему для врагов? — шевельнулась робкая мысль. — Может быть это друзья?» Но память «услужливо» представила внутреннему взору образы двух злобных мужчин в серебряных одеяниях — Залга и Олрога. Неужели это они? Хоть и сказал Хепсу Учителю, что эти двое больше к ним не придут, но сам теперь в это не верил. Конечно, это они! Очухались и идут за своими пленниками...

Мальчик настороженно прислушался. Но больше из корабля не доносилось ни звука. Только

снаружи чуть слышно шелестела листва.

Чтобы хоть как-то отогнать тревожные мысли, к которым примешивались не менее противные чувства голода и жажды, не говоря уже о головной боли, Хепсу решил поиграть словами. Для начала он стал придумывать этому занятию название. Раньше это почему-то не приходило ему в голову. А теперь вдруг захотелось назвать. Потому что одно дело — «играть словами», а совсем другое — заниматься чем-то таким... значимым!

Первым пришло на ум производное от «играть словами» — «игрословие». Или, по-иному, «игрословица». Но здесь тоже присутствовал корень «игра», что делало название несерьезным. Нужно было что-то емкое и звучное. И красивое, как то, что получалось в результате этой «игры». Может, «красословие»? «Словокрасица»? Длинно, неуклюже!.. А если сократить? «Слокр»? «Красл»? Вот-вот, «красл»! Это и «красивые слова», и «краткие слова», ведь то, что выходит из этого — это не только *красиво*, но и *кратко* изложенные мысли. Замечательно! Пусть будет «красл»! Или «краслы», когда их много. А «придумывать краслы» — значит, «краслить»!

Теперь можно сочинить и новый «красл». О чем? Да о том, например, что с ними случилось.

Хепсу думал довольно долго, а потом горячо зашептал, словно обращаясь к невидимому

собеседнику:

— Дошли мы до самого края,
До самого края земли —
Она оказалась большая,
Но сделать мы это смогли!

Мы чуть не погибли от жажды,
Меня в черноту унесло,
Когда я, безумец, однажды
Учителю кинул весло.

Но он меня вовсе не бросил —
На лодке отчалил ко мне,
Причем, управляясь без весел, —
Швыряньем тяжелых камней.

Потом мы готовились к смерти,
Но вскоре послышался гул.
Его издавала... (Поверьте,
Я лучше б навечно уснул!..)

...Огромная гладкая лодка,
Блестящая, словно вода!
Открылась в ней черная глотка,
И к нам подступила беда.

Два злобных, коварных урода

*Схватили и заперли нас,
И ласковый свет небосвода
За толстой стеною погас.*

*Мы плыли в неведение долго,
Потом нас швыряло, трясло.
Упав головою о полку,
Я думал, что мне повезло...*

*... Что я уйду в бесконечность,
Что маму увижу опять,
Но вновь проявил человечность
Учитель — любитель спасать.*

*И вот я почти что в порядке,
Лежу и трясусь в тишине,
А страшные, злобные дядьки
Неспешно крадутся ко мне...*

Сказал, и сам испугался. Чего это он вдруг про дядек? Ведь не собирался ничего такого краслить...

Хепсу приподнялся на локте, посмотрел сначала на стену, через которую их ввели сюда похитители. Стена была по-прежнему ровной и гладкой, словно и не раскрывалась никогда. Тогда мальчик перевел взгляд на противоположную стену — точнее, на рваную щель, пересекавшую ее

пополам. Через ощерившуюся дыру был виден лишь светлый кусочек неба и зеленая листва.

Хепсу облегченно выдохнул и вновь опустил голову на лежанку. «А ничего себе красл получился, — попробовал он снова отвлечься, — такого огромного я никогда еще не краслил! Неужто удар головой о полку помог?» Мальчик сделал попытку улыбнуться, но череп прошило болью, и он лишь скривился. «Вот, вспомнил на свою голову!» — мелькнула сердитая мысль. Он зажмурился, чтобы легче было справиться с болью. Через какое-то время она действительно утихла; не ушла совсем, но уже не сверлила голову, лишь постукивала чем-то не очень тяжелым в висках и затылке.

Хепсу поднял веки. Но ничего увидел... Сначала он подумал, что в глазах потемнело от недавней боли, но быстро понял, что причина не в этом. Просто трещина в стене не пропускала больше света — через нее, громко сопя, кто-то лез.

Глава 10

— Ачаду?! — вскрикнул с надеждой Хепсу, когда темный силуэт предстал перед ним, заслоня слабый свет проема.

— Точно, осада! — хрипло гоготнули в ответ. — Давай, вылазь!

«Ну вот, покраслил про дядек!..» — мысленно охнул мальчик, а вслух жалобно выдал: — Я не могу, я ранен...

— Ранен? — переспросил незнакомец. — Куда?

— Голову разбил...

— Голову!.. — хрюкнул силуэт. — Ноги-то целы?

— Целы...

— Вот и вылазь ногами! — Цепкая рука больно схватила Хепсу за локоть и потянула. Мальчик едва успел сбросить с лежанки ноги, чтоб не упасть.

Незнакомец, не отпуская Хепсу, вновь засопел, выбираясь наружу. Мальчик, невольно следуя за ним, чуть было не ободрал бок, пролезая в рваную узкую дыру.

Когда оба оказались снаружи, «дядька» отпустил наконец локоть Хепсу. Теперь мальчик смог рассмотреть его. Не Залг и не Олрог — это уже хорошо. Остальное выглядело хуже. Облик незнакомца не внушал, во всяком случае, особого доверия. Человек был огромным что вверх, что вширь — удивительно даже, как и пролез только в неширокую щель! Мускулистые, с веревками темных жил руки свисали почти до колен. Ниже колен ноги были закрыты черной кожей — так делали и охотники в селении Хепсу, отправляясь в

лес, но у незнакомца куски кожи выглядели по-другому, словно были сшиты специально под ногу, а не обернуты вокруг нее. Выше них ноги закрывала серая, плотная на вид ткань, и она тоже казалась сшитой. А вот могучий торс «дядьки» оказался голым, равно как и голова, на которой не росло не то чтобы волос и бороды с усами, но даже бровей. Через плечо его был переброшен кожаный ремень, на котором болталась за спиной странная черная палка с двумя кривыми выступами. Толстые красные губы незнакомца все время шевелились, будто он постоянно что-то жевал, а широкий приплюснутый нос неприятно раздувал ноздри — так и казалось, что сейчас их владелец или громко чихнет, или не менее громко крикнет. Зато глаза лысого великана выглядели совсем неуместно на этом свирепом лице. Большие, ярко-синие, они будто лучились добротой и лаской. Эти глаза очень понравились мальчику. Он даже слегка приободрился. Но, похоже, зря...

— Кто ты?! — гаркнул «дядька», и красивые глаза его при этом сузились и потемнели, миг потеряв очарование.

— Я Хепсу... — промямлил мальчик и, вспомнив разговор хозяев корабля, добавил: — Маложивущий. Бесполезный.

— Хо! — Незнакомец хлопнул себя по брюху и выкатил глаза. Теперь они вновь стали

пронзительно-синими. — А ты откуда это знаешь?

— Что я Хепсу? Меня так мама...

— Да по мне хоть Гупси! — сердито оборвал здоровяк. — Откуда знаешь, что маложивущий?

— Эти говорили, — махнул мальчик в сторону носа корабля. — Которые меня сюда посадили.

— А где они?

— Не знаю... Затрясло, закрутило, я головой ударился, а когда очнулся — вот... — Хепсу почему-то решил, что про Учителя говорить пока не стоит. Может быть, он где-то рядом, все видит и слышит, а когда выберет подходящий момент — обязательно его спасет. А если сказать про Ачаду «дядьке», тот будет настороже...

Здоровяк будто услышал мысли мальчика.

— Кто еще был с тобой? — пожевал он толстыми губами.

— Н-никто...

— А это? — ткнул незнакомец пальцем в повязку на голове. — Это кто завязал?

— Я сам. — Хепсу постарался, чтобы голос не дрогнул. И посмотрел прямо в синь чужих глаз, которые вновь уже потемнели.

— Ну-ну... — покивал здоровяк, скривившись в подобии улыбки, и опять схватил Хепсу за локоть. — Тогда пошли! Расскажешь все в другом месте. — Он вдруг сунул два пальца свободной

руки в рот и так свистнул, что у мальчика заложило уши.

А из кустов вскоре вылез еще один «дядька» — почти копия первого, только чуть ниже ростом и не такой широкий. Да и с волосами у него все было в порядке, даже более чем — темно-коричневые, густые и шелковистые, они доходили ему до лопаток и были перетянуты на лбу кожаным ремешком. В руках он держал такую же непонятную палку, что и за спиной у первого.

Не успел Хепсу как следует удивиться этому явлению, а сзади уже вынырнул третий — еще один братец-здоровяк с черной палкой в руках, и тоже волосатый, только у этого волосы были черными, как у него самого, и завязанные в пучок, болтались на спине хвостиком.

Оба «новеньких» глянули на мальчика так, словно он был пойманным в поле розаликом, не более того.

— Что? — многозначительно спросил у них первый здоровяк, прекратив на мгновение жевать. Видимо, он был у них старшим.

— В корабле никого, — ответил тот, что с пучком.

— Кабина на берегу, — сказал пышноволосый. — Похоже, был взрыв — иллюминаторы разбиты, внутри одни угольки и кровища. А вот рядом кто-то был.

— Пилоты?

— Вряд ли. После такого они давно покойники — их еще до берега разбрызгало.

— Может, кто-то из них был в другой каюте...

— Может. А может — кто-то еще. У этого спрашивал? — Говоривший кивнул на Хепсу.

— Похож на бесполезного... Но рассуждать умеет.

— К Шагроту его, или здесь съедим? — Услышав такое, мальчик съежился и задрожал, а «братья» захохотали.

Отсмеявшись, тот, кого Хепсу принял за главного, насупил то место, где положено расти бровям.

— Вы вот что мне лучше скажите: почему корабль взорвался?

— Так кто ж его знает! — Пышноволосый повесил за спину палку и развел мускулистые руки. — Всякое может быть. Техника...

— Реактивные корабли если и взрываются сами по себе, то из-за аварии двигателей, — возразил тот, что был с «хвостиком».

— Я знаю, что ты умник, Акмуд, — проворчал «главный». — Только у этого корабля двигатели целы. Асарк говорит, что взорвалась кабина. Там-то чему взрываться?

— Может, кто-нибудь помог? — предположил тот, кого называли Асарком. И напомнил: — Рядом с

кабиной следы...

— А вот ты умом не отличаешься, Асарк. Весь он у тебя в волосы ушел!.. Что же, этот «кто-нибудь», по-твоему, взорвал кабину после того, как корабль по берегу разметало? Не наоборот ли?

— Конечно, Арог, если кабину и взорвали, то до того, как корабль наворачнулся, — обиженно встряхнул шевелюрой Асарк. — По-моему, из-за этого он и врезался в берег.

— Вот именно, — сказал Арог и быстро-быстро зажевал губищами. — Ладно, пошли к Шагроту. Расскажем ему, пусть думает сам.

— А этого? — кивнул Акмуд на дрожащего мальчика.

— Ты что, и впрямь проголодался? — гоготнул лысый «главарь» и толкнул к «хвостатому» Хепсу: — На вот, поведешь его сам. И попробуй отгрызть хоть кусочек!

— Ну, разве что самую малость, — подхватил игру Акмуд. — Ухо если, или нос...

Воинственная тройца с довеском в виде спотыкающегося от страха и слабости мальчика, двинулась в лес. Сначала шли напрямик, продираясь порой сквозь кустарник, запинаясь о сучья и корни. Потом под ногами побежала едва приметная тропка, ставшая вскоре широкой и

утоптанной; идти стало легко, чего нельзя было сказать о состоянии духа Хепсу. Тем более что мужчины продолжали по ходу обсуждать его вкусовые качества.

Хепсу вроде бы и понимал, что мускулистые громилы так своеобразно шутят, но ему все равно было очень страшно. Ну зачем он покрасил про «дядек»? Наверное, его краслы имеют чудесную способность сбываться... А что, если и правда так?..

На ровной тропинке мальчик совсем перестал спотыкаться, и под ритм размеренного шага у него сложился новый красл. Правда, мысли постоянно путались от головной боли и страха, поэтому получилось нечто странное:

*Ой, как страшно! Ой, как больно!
Лес вокруг такой густой...
Как же было мне привольно
На полях земли родной!*

*И зачем пошел, не знаю,
За Учителем своим?
Пусть теперь меня спасает!
Ведь сказали мне: «Съедим!»*

Хепсу сразу стало очень стыдно за этот красл, и он постарался скорее его забыть. Но вот что

странно — все придуманные им краслы ни за что не хотели забываться! Их словно процарапывал кто-то старательной рукой изнутри черепа. Буквы так и вставали перед глазами, стоило лишь подумать о том или ином красле. Буквы Хепсу знал хорошо. В отличие от прочих учеников, которым чтение и письмо давались труднее всего, для него это казалось вовсе не наукой, а занятой игрой. Жаль, что теперь ничего из того, чему обучал их Ачаду, никак не могло пригодиться. Разве что — пересчитать своих похитителей. Вообще-то, если быть точным, они его не похищали... Да и считать замучаешься — их уже не трое, а пять... восемь... двенадцать... Ой!.. Хепсу ткнулся лбом в спину остановившегося Акмуда.

Увлечшись красленьем и последующими измышлениями, мальчик даже не заметил, что лес кончился. Вернее, он расступился, широким кольцом окружив открытое свету пространство, на котором очутился Хепсу. На этой огромной поляне — скорее, на целом поле — стояло довольно много добротных бревенчатых домов. Что в первую очередь удивило мальчика, так это наличие крыш над жилищами — ведь в родном селении они были абсолютно не нужны, а потому оказались столь непривычны для глаз. Да и здесь Хепсу еще не успел увидеть падающей с неба воды, а потому совершенно искренне недоумевал, зачем накрывать

дома?

Впрочем, на крыши мальчик отвлекся совсем ненадолго. Главное, что его не удивило, конечно, зато весьма насторожило — это множество людей, увиденных им на поляне. Не все они были столь угрожающе могучи, как приведшая его троица, но во всех чуялось нечто дикое, звериное, хищное. Вполне возможно, что Хепсу просто уже настроил себя таким образом, внушил, что вокруг враги, «злобные дядьки». Но разве не злобен вон тот, худой, маленький, весь какой-то скрюченный, замотанный в серое, посверкивающий на него вертлявыми черными глазками? Вот он даже облизнулся, обнажив редкие кривые зубы! А вон из крайнего дома вышел бородатый толстяк — ноги в черной коже, выше пояса грязно-белая ткань; посмотрел на Хепсу сначала вполне равнодушно, а затем улыбнулся вдруг и погладил брюхо... Неужели они и впрямь едят людей?!

— Назуп! — крикнул толстяку Арог. — Шагрот у себя?

— А я знаю? — широко зевнул тот. «Такой точно проглотит — и не заметит!» — невольно поежился Хепсу.

— Все спишь? — встрял в «беседу» прекрасноволосый Асарк. — Так ты и обед проспишь, Назуп. Гляди, какой вкусный кусочек

мясца мы ведем!

— У меня от мальчишек изжога. Вот если бы вы привели девчонку... — Толстяк снова погладил живот и блаженно улыбнулся.

— Ишь, чего захотел, сладенького! — заржала вся троица. — Смотри, зубы выпадут от сладкого-то.

Отсмеявшись, они тронулись дальше, дернув мальчика за многострадальный локоть. Но Хепсу даже не обратил внимания на боль. Ему все больше стали досаждают эти людоедские шутки. А что если все же не шутки? Что-то они шутят все на одну тему... Обычно чаще всего говорят о наболевшем. Может, здесь туго с едой, и в ход идет все что ни попадя — в том числе и люди? Тем более, чужаки. Особенно «бесполезные», как их с Ачаду почему-то здесь называют...

Домыслить Хепсу опять не удалось. Пленившая его троица остановилась у одного из домов — самого большого, насколько сумел определиться мальчик, да к тому же окруженного несколькими домиками поменьше, без окон, вряд ли предназначенных для жилья. С крыши одного такого домика к ним спрыгнула юркая, подвижная как ручеек светловолосая девчонка, обмотанная тонкой желтой тряпицей. Хепсу в очередной раз удивился тому, что на местных людях так много тряпок. Да и сидели те тряпки на них слишком уж

ладно, словно и впрямь были сшиты! Вот чудно-то...

— Кызя, — окликнул девчонку Арог. — Отец дома?

Девчонка кивнула.

— Пригляди-ка за мальчишкой, пока мы с ним побеседуем.

— Вот еще! — фыркнула девочка, собравшись было бежать.

— Постой, — сграбастал ее длинными лапами Арог. — Ты куда? Испугалась маленького бесполезного?

— Вот еще! — повторила Кызя, возмущенно вращая огромными серыми глазами. А потом ухватила вдруг великана за нос, отчего у того вмиг разжались руки, а из глаз брызнули слезы. Девчонка отпрыгнула на безопасное расстояние и показала Арогу язык: — Вот тебе! Будешь знать, как хвататься!

— Ух!.. — погрозил кулаком громила и бережно ощупал нос. — Я вот тебя поймаю потом и сожру, трусиха! Или Назупу отдам — он только девчонок и кушает.

— Это почему же я трусиха? — сощурилась девочка, воткнув в бока кулачки, и шагнула к Арогу.

— Но-но! — попятился тот, все еще поглаживая нос. — Конечно, трусиха — мальчишку

испугалась! Еще бы, он-то посильнее тебя. Ладно, беги! Все равно тебе с ним не справиться — он поколотит тебя и сбежит, а нам потом отвечать.

Неуклюжая хитрость Арога сработала, девчонка задохнулась от возмущения:

— Что-оо?! Мне не справиться с этим дохляком?! Да он у меня в узел завяжется, если дернется!

— Ну, не знаю... — покачал лысиной Арог, задумчиво пережевывая губы. — Попробовать, что ли? Рискнуть? А, ребята? — повернулся он к напарникам. Те, подыгрывая, пожали плечами, развели руки. — Ладно, рискну. Но если он тебя побьет — смотри, не реви, а то я еще добавлю.

— Кто кому добавит! — замахнулась Кызя. Арог обеими ладонями быстро закрыл нос. Потом буркнул Хепсу:

— Жди нас здесь! Не вздумай бежать — ты видел, на что способна девчонка... — И все трое здоровяков скрылись в доме.

Глава 11

— Ты что, и правда бесполезный? — хмуро спросила девочка, два раза обойдя вокруг Хепсу и внимательно его разглядывая.

— Не знаю, — осторожно ответил мальчик. — Так меня называли эти люди. И еще двое. А какая

от меня должна быть польза?

Девчонка фыркнула. Похоже, это был ее любимый способ выражать чувства.

— Ты точно бесполезный, раз так говоришь!..
И где тебя подобрали?

— Сначала меня украли другие. Увезли на большой лодке... на корабле. А потом он разбился, и меня нашли эти.

— На корабле?! — подпрыгнула девчонка. — Ух ты! Я только раз каталась на корабле! А отчего он разбился?

— Не знаю. Нас... меня же закрыли, я не видел ничего. Затрясло, закрутило, — бац! — я об полку головой — шмяк!..

— Бац! Шмяк! — передразнила девчонка и снова фыркнула. — Нет, ты точно бесполезный!.. Скажи, а тебе грустно, что вы так мало живете?

— Мало? — удивился Хепсу. — Это как?

— Ну, нормальные люди живут долго, а бесполезные — мало. Ты что, и этого не знаешь? — В глазах девчонки мелькнула жалость.

— Я тоже нормальный, — нахмурился мальчик. — Меня, кстати, Хепсу зовут.

— У вас разве есть имена? — ахнула девочка. — Я думала, вам незачем... — Она отчего-то смутилась и протянула вдруг руку: — Ладно, забудь! Меня зовут Кызя.

Хепсу пожал девочке руку. Та вдруг

прыснула:

— А почему ты голый?

— Я не голый, — вспыхнул мальчик. — На мне повязка! У нас все так ходят... Это вы зачем-то в тряпки укутаны.

— В тряпки!.. — фыркнула девчонка. — Это одежда. Все нормальные люди одеваются. Неужели ты и этого не знаешь?

Мальчик не нашел, что на это ответить и поспешил сменить тему:

— Можно теперь я у тебя что-то спрошу?

— Спрашивай, — улыбнулась Кызя. Ее улыбка Хепсу понравилась.

— Вы чем тут питаетесь? — как можно равнодушной, устремив взгляд к небу, спросил мальчик.

— Людьми, — ответила девочка, спрятав улыбку. — Ты разве не слышал, что сказал Арог?

— Слышал... — упавшим голосом сказал Хепсу. Внутри у него все оборвалось.

Но тут Кызя, не в силах больше сдерживаться, рассмеялась так громко, что он испуганно отшатнулся.

— Т-ты п-поверил?! — захлебывалась смехом девочка. — Ты пове-е-ери-и-ил!!! Ха-ха-ха!

— А чего тут смешного? — покраснел и потупился Хепсу, не зная, обидеться на Кызю всерьез или смеяться вместе с ней над своими

глупыми страхами. Все же, наверное, лучше смеяться. Тем более что облегчение так и распирало его. И мальчик, сначала тихонько, а потом все громче и громче принялся похрюкивать, пока не расхохотался во весь голос. Они догоготались до того, что оба согнулись пополам и звонко стукнулись лбами. Но и это не смогло оборвать смех — теперь они повалились на землю, потирая покрасневшие лбы и сотрясая воздух ногами.

На шум из дома выскочил Акмуд.

— Вы что тут, и правда деретесь?! — Поняв, что происходит на самом деле, мужчина покачал головой и опять скрылся за дверью.

Даже не заметив данного «явления», Хепсу и Кызя продолжали кататься по земле. Мальчику никогда еще не было так хорошо — так легко и свободно! У него напрочь вылетела из головы суть своего нынешнего положения. Но всему, даже самому замечательному — скорее, ему-то в первую очередь, — приходит конец. Водопад безудержного смеха постепенно иссяк, превратившись в жиденькую струйку.

Все еще икая и похрюкивая, дети успокоились. Растянулись на спинах, раскинув руки и ноги, и усталились в бесконечное светлое небо. И только теперь до Хепсу дошло, что не такое уж оно и светлое да, похоже, и не вполне бесконечное.

Какие-то темные огромные пятна висели в нем — хоть и высоко, но все же не беспредельно.

— Что это? — хриплым от смеха голосом, в котором вновь чувствовалась нотка страха, спросил мальчик, ткнув в небо пальцем.

— Беспольный, как есть беспольный! — вздохнула Кызя и, перевернувшись на живот, заглянула в глаза Хепсу. — Или ты притворяешься?

— Зачем мне притворяться? Просто я никогда не видел такого...

— Неба не видел?! Ты что, под землей жил? В пещере?

— Ни в какой пещере я не жил! И небо я видел. Только у нас оно чистое, а здесь на нем грязь какая-то, — показал на темные пятна Хепсу.

— Грязь! — фыркнула девочка. — Да это же тучи! Ты все-таки издеваешься?

— Слушай, Кызя! — Мальчик сел и сдвинул брови. — Я никогда ни над кем не издеваюсь. Не люблю этого. И когда надо мной издеваются — тоже не люблю. Постарайся этого не делать. Пожалуйста.

— Ты что, обиделся? — Девочка тоже села. — Перестань сейчас же! Я не буду над тобой издеваться. Постараюсь... Но тучи? Ты их и правда не видел?

— Правда. У нас их нет. Небо всегда чистое.

— Значит, у вас и дождя нет?

— Дождя? Что это такое?

— Не верится просто... — собралась фыркнуть Кызя, но, вспомнив про данное обещание, сказала: — Ладно, поверю. Дождь — это вода, которая падает из туч.

— Но такого не может быть!.. — вскочил на ноги Хепсу. — Хотя... Что-то я такое помню... Кто-то рассказывал, торговцы вроде, или охотники, будто с неба иногда падает вода. Но никто этому не верил. Как это возможно? Откуда на небе вода?

— Не знаю откуда, но сейчас ты и сам увидишь, — хитро улыбнулась девчонка, почувствовав, как маленькая капелька упала на щеку.

Хепсу недоверчиво посмотрел вверх, и тут ему на лоб тоже упала капля. Потом еще и еще. Скоро капельки полетели так часто, что лицо быстро вымокло.

— Бежим в дом! — Кызя схватила руку Хепсу и потянула за собой. Мальчик неохотно повиновался. Ему очень хотелось еще посмотреть на странное явление, и он постоянно оглядывался, задирая голову. Если бы девочка не придержала дверь, Хепсу точно набил бы на лбу шишку.

Первым, кого увидел мальчик, войдя в просторную комнату, был высокий, худой мужчина с мертвенно-бледным вытянутым лицом, на

котором неестественно смотрелась маленькая пуговка носа. Волосы его, коротко подстриженные и аккуратно причесанные, имели странный желтый цвет — как тряпка на теле Кызи. Сам мужчина тоже был завернут в тряпку до самых колен — ярко-красную. Таких пестрых людей Хепсу пока не доводилось встречать. А еще его удивили ноги человека, точнее то, что на них было надето. Как назывались подобные штуки, мальчик не знал, но выглядели они забавно — деревянные (он не разглядел точно, потому что мужчина на них и стоял) дощечки, формой повторяющие ступню, были привязаны к ногам длинными кожаными ремешками, обвивающими голени.

— Кто вас сюда звал?! — рявкнул мужчина. Стоявшая рядом знакомая троица поспешно закивала.

— Папа, там дождь! — топнула Кызя. Теперь Хепсу заметил, что и на ее ногах дощечки, только с короткими ремешками, завязанными у щиколоток.

— Меня просто оторопь берет от твоего поведения! — топнул в ответ мужчина. У него это получилось громче. — Не видишь, мы здесь беседуем?

— Беседуйте себе, — фыркнула девочка. — Мы посидим с Хепсу в моей комнате.

— Нет уж, раз пришли... Вот что, ты и впрямь иди к себе, а он пусть останется.

— Папа, — насупилась девочка. — Не вздумай его продавать!

— Не твоего ума дело! — вновь загредел длиннолицый. — Не лезь во взрослые дела! Марш в свою комнату!

— А он — не взрослый! — стиснула руку мальчика Кызя. — Так что нечего...

— Да что это такое! — Мужчина зашагал к детям, звучно шлепая «дощечками». Схватил Хепсу за другую руку и дернул к себе. Кызя уперлась, но отец, разумеется, был сильнее ее, и девочка заскользила по деревянному полу.

Мальчик завопил от боли — ему показалось, что руки сейчас оторвутся.

— Да что это такое! — повторил мужчина и отпустил руку. Хепсу, повалившись на девочку, сбил ее с ног. Все четверо мужчин засмеялись — отец Кызи заливисто-громко, остальные — гулко подхохатывая.

— Ничего смешного тут нет! — вскочила разъяренная девочка. — Вот была бы жива мама!.. — На глазах Кызи блеснули слезы.

— Кызя, прекрати, — сморщился желтоволосый. Его голос из грозного враз стал жалобно-умоляющим. — Ну сколько раз мы с тобой говорили... Я же тебя просил...

— Вот и я тебя прошу: не трогай Хепсу! — звонко топнула Кызя. Слезы уже покатались по

щекам.

— Да не трону, не трону я! — взмолился мужчина. — Мне надо с ним всего лишь поговорить. Иди к себе и успокойся. Скоро он к тебе придет.

— Учти, — уже откровенно всхлипнула девочка. — Если ты его продашь — я убегу!

— Прекрати! — замахал руками отец и отвернулся. — Не могу я смотреть, как ты плачешь! Просто оторопь берет...

Кызя зашмыгала носом и быстро шмыгнула в соседнюю дверь. Там, видать, и была ее комната. Хепсу подумал, что Кызя ни за что не оставила бы его наедине с отцом и «злобными дядьками», если бы не застеснялась своих слез.

— И не подслушивай! — крикнул вслед дочери длиннолицый. Потом посмотрел на Хепсу уже вовсе не отеческим, а, скорее, оценивающим взглядом. Сказал, понизив голос и скосив глаза на дверь: — Давай, рассказывай.

Хепсу рассказал все, с момента, как его подобрали Залг и Олрог и до того, как у корабля появились Арог, Асарк и Акмуд. Про Ачаду он, разумеется, промолчал.

— А как же тебя занесло к кораблю? — спросил мужчина. — Ты что, на самом берегу жил?

Хепсу подумал, что врать лучше как можно меньше, чтобы самому потом не запутаться.

Вообще-то лучше бы совсем не врать — этого он не любил, но тут был иной случай. От него зависела судьба другого человека, да еще и какого: самого теперь дорогого для него — Учителя! И Хепсу решил говорить правду, но не всю. Такую правду, где не было места для Ачаду. Он ответил так:

— Нет, я жил не на берегу. В селении, далеко.

— А как же очутился на берегу?

— Я хотел узнать, есть ли у земли край.

Кто-то из троицы — вроде бы Акмуд — фыркнул, но желтоволосый грозно зыркнул в их сторону и с заинтересованностью в голосе спросил у мальчика:

— И как — узнал?

— Да, — кивнул Хепсу. — У земли есть край.

И другие земли тоже есть. Как эта.

— А какие ты еще видел земли?

— Никакие. Только свою и эту. Но раз есть две — должны быть еще. Ведь черное озеро бесконечно.

Мужчина вновь посмотрел на замершую неподвижно троицу:

— Для бесполезного он слишком хорошо рассуждает. Вам не кажется?

— Шагрот, я не говорил, что это точно бесполезный, — подал голос Арог. — Я сказал: он похож на бесполезного. К тому же голый и босой... Посмотри на его подошвы!

— Ну-ка, подними ногу! — приказал желтоволосый, оказавшийся тем самым Шагротом. Впрочем, Хепсу и так уже об этом догадался, он и вправду был неглуп. И ногу поднял без возражений — что ему, трудно?

Высокий Шагрот нескладно согнулся, рассматривая подошву мальчика. Выпрямившись, промычал:

— М-мда... Точно такие, как у всех бесполезных. У тех бесполезных, которых давно отделили. У самых первых это стало приобретенной особенностью, от постоянного хождения босиком. Теперь уже, похоже, передается по наследству. Такое может быть только у маложивущих.

— А я о чем! — ободрился Арог. — Оттого и смекнул.

— Вы у меня все смекалистые, как я погляжу. Недаром родные братья. А от чего корабль взорвался? Кто еще на нем был? Куда делся? — замахал руками Шагрот. — Это вы не смекнули, бестолочи? — Он снова повернулся к Хепсу и тем же рассерженным тоном спросил: — Кто еще был с тобой? Говори!

— Никого не было, — сделал изумленные глаза Хепсу.

— Они говорят, там был кто-то еще!

— Может и был, я не знаю!.. Эти двое, Залг и Олрог, затащили меня на корабль и сразу заперли в

комнате. А там еще много было закрытых дверей — может, в них тоже кто-то сидел.

— Ладно, иди пока к Кызе, — произнес Шагрот, поглаживая подбородок. Не успел он это сказать, как дверь в комнату девочки приоткрылась, и тоненькая рука призывно замахала в проеме.

— Все-таки подслушивала! — притопнул «дощечкой» отец. — Забирай его! И накорми чем-нибудь. Да, посмотри, что там у него с головой... Промой да перевяжи хотя бы.

— Сама разберусь! — донеслось из-за двери. Хепсу поспешил туда же.

Глава 12

Глаза у девчонки были красные. Она это знала и потому выглядела сердитой. Видать, плакать не любила и делала это нечасто.

— Ну, чего встал? — буркнула она Хепсу. — Садись к столу! Сейчас еды принесу... — Девочка скрылась за еще одной дверью.

Мальчик огляделся. Комната Кызи ему понравилась: уютно, чисто, на окнах тряпочки белые висят. Хепсу собрался было выглянуть в окно, но лоб уперся во что-то твердое. Мальчик недоуменно отпрянул и осторожно протянул к окну руку. Пальцы уперлись в невидимую гладкую преграду! Впрочем, не в такую уж невидимую —

если приглядеться, то ее выдавали и капельки воды с той, уличной, стороны, и осевшие пылинки с этой, и некоторое искажение законного пространства. Но все равно, Хепсу такого еще не видел... Хотя, в окнах-глазах погибшего корабля тоже что-то блестело. Наверное, и в них было это. Твердый воздух? Как твердая вода в бесконечном озере!

— Чего это ты там разглядываешь? — послышалось сзади. Хепсу оглянулся. Вернулась Кызя, держа в руках большую миску, из которой шел вкусный пар.

Хепсу непроизвольно сглотнул и ответил:

— Да вот... В окне что-то непонятное.

Девочка поставила на стол миску и подошла к окну.

— Что тебе непонятно? Дома, лес вдали, сверху небо... Про тучи я тебе уже рассказала. Дождь уже кончился...

— Вот это, — смущенно ткнул Хепсу в прозрачную твердость. Ему очень не улыбалось снова выглядеть глупым, но узнать о «твердом воздухе» хотелось. Впрочем, девочка помнила про данное обещание и смеяться не стала. Учительским тоном принялась объяснять:

— Это называется стекло. Твердое, но не очень прочное. Если ударить по нему сильнее, может разбиться. Но лучше этого не делать — осколки очень острые, порежешься.